

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
ИТТСПИ**

2022 № 1

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

2022

№ 1

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by Nizhny Tagil
State Social Pedagogical
Institute (NTSSPI)

2022

NUMBER ONE

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Члены редколлегии

Андерсон Ричард, доктор философии (PhD), профессор политологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Рыжкова Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) РГППУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University

Editorial Board

Anedrson Richard, PhD, Professor of Political Science in University of California in Los Angeles.

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

Golubkova E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement, Russian State Vocational Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Popova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Ryzhkova O. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Даренская И. В.**
Политическая культура населения индустриальных городов
Урала 1920-1930-х гг. в зеркале советской повседневности..... 8
- Кириллов В. М.**
«Архивная революция» и процесс реабилитации
жертв политических репрессий глазами современника..... 23
- Пермяков А. А., Потапов С. А.**
Госпитали Пермской губернии и Нижнего Тагила
в годы Первой мировой войны..... 45

ФИЛОЛОГИЯ

- Зырянова И. П., Ильина А. А.**
Особенности прецедентных феноменов
со сферой-источником «СССР»
в англоязычном песенном дискурсе..... 71
- Крюкова Е. А., Боровкова Е. Р.**
Жанр «хоррор» в английской литературе
(на примере новеллы Э. А. По «Колодец и маятник»)..... 86
- Чебенева С. М., Чудакова Н. М.**
Концепт «Здоровье» в сознании
русской языковой личности..... 99

РЕЦЕНЗИИ

- Дмитриева С. С.**
Рецензия на книгу Мезенина, Т. Г. Нижнетагильские храмы
в XVIII-XXI вв.: историко-краеведческие очерки / Т. Г. Мезенина,
О. П. Мищенко. Реж : Режевская типография, 2021. 139 с. 120
- Информация для авторов..... 123

CONTENTS

HISTORY

Darenskaya I. V. Political culture in 1920s-1930s in the mirror of Soviet everyday life.....	8
Kirillov V. M. "Archival revolution" and the process of rehabilitation of victims of political repression through the eyes of a contemporary.....	23
Permyakov A. A., Potapov S. A. Hospitals of Perm province and Nizhny Tagil during the First World War.....	45

PHILOLOGY

Zyryanova I. P., Ilina A. A. Precedent phenomena features of the source domain "The USSR" in English song discourse.....	71
Kryukova E. A., Borovkova E. R. The genre of "horror" in English literature (on the example of E. A. Poe's novella "The Well and the Pendulum").....	86
Chebeneva S. M., Chudakova N. M. Concept "Health" in the mind of the Russian language speakers.....	99

REVIEWS

Dmitrieva S. S. Book review on Mezenina, T. G., Mishchenko, O. P. (2021). Nizhny Tagil temples in the XVIII-XXI centuries: historical and local history essays. Rezh: Rezhevskaya tipografiya. 131 p.	120
Submission Guidelines	123

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ УРАЛА 1920-1930-Х ГГ. В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

И. В. Даренская

Нижегородский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
ivilinych@mail.ru

Аннотация. В статье на основе законодательных материалов, статей, речей, выступлений высших партийных и государственных деятелей, делопроизводственной документации, информационно-аналитических материалов органов политического контроля, материалов периодической печати и источников личного происхождения проанализированы компоненты политической культуры населения индустриальных городов рубежа 1920-1930-х гг. В статье рассматривается классификация типов политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы, типологии П. Бурдые, М. Вебера как методологический инструмент для анализа моделей поведения населения уральских городов. Также приводится разработанная автором классификация моделей взаимодействия власти и городского населения, в основе которой положен критерий проявления политического активизма. В статье делается акцент на двух компонентах политической культуры населения: степень общественного участия и лояльность властным институтам, производных структур процесса «самолегитимизации» власти, которая для поддержания собственного авторитета побуждала граждан к проявлению лояльности и активности.

Ключевые слова: политическая культура, власть, стратегия взаимодействия, политическая лояльность, повседневность

1. Введение

В рамках дискуссии о становлении гражданского общества в России и степени сформированности гражданской культуры важным вопросом, вызывающим споры историков, политологов, социологов, является тема соотносимости современной политической культуры с советским политическим пространством, в котором формировались стратегии и тактики взаимодействия власти и общества, транслируемые в рамках современного политического процесса. Вопросы преемственности типов культур, воспроизводимости моделей взаимодействия власти и общества, влияния «искусственного активизма» на траекторию развития общества и человека определяют век-

торы современных научных исследований, поиск новых аспектов и концептов анализа «советского наследия». До сих пор продолжают споры о концептуальных характеристиках советского периода, о социальной основе политического режима, об ответственности власти и народа за историческое прошлое.

Одним из важных вопросов, позволяющих реконструировать спектр представлений населения в переломные периоды, сопряженные с высокой степенью мобилизации общества, что мы можем наблюдать и в настоящее время, является понимание характера политической культуры рубежа 1920 – 1930-х гг. Фактически вопрос состоит в том, как бы расставил запятую советский гражданин - «действовать, нельзя бездействовать» или «действовать нельзя, бездействовать».

2. Материал и методика исследования

В рамках изучения проблематики советской политической культуры был проанализирован корпус текстов, являющихся трансляторами бытующего в обществе политического дискурса, а также конструируемых, артикулируемых и разделяемых политико-символических убеждений, отражающих определенную социальную позицию субъекта в дискурсивном поле. Каждый компонент текста был исследован как на микроуровне, на котором анализировались семантические элементы, значения слов и предложений, отношения между ними, стилистика и риторика конструкторов.

Текстовую базу исследования составили источники властного (официального) и низового (городского) дискурса, разделяемые нами на группы следующие группы:

1) нормативно-законодательные материалы, которые не только «легитимизовали» выбранный курс форсированной модернизации, но и, ориентируясь на представления и ожидания общества, существенно корректировали их, изменяя или усиливая отдельные аспекты коммуникативного акта. Директивы высших органов государственной власти в большей степени отражали догматизированные представления о реальности, в отличие от сопутствующих им циркуляров советских органов регионального звена, в которых официальные идеологемы совмещались с реалистической оценкой ситуации и более активно циркулировали в политическом коммуникативном пространстве;

2) статьи, речи, выступления высших партийных и государственных деятелей, к анализу которых необходимо применять не традиционный ракурс интерпретации, а «дискурсивный», рассматривая исследуемые тексты как «письмо власти», имеющее конкретного адресата и по этой причине обладающее разнообразными средствами воздействия;

3) делопроизводственная документация, которая включает в себя протоколы и стенограммы партийных, советских, общественных и профсоюзных организаций. В протоколах данных форумов, текстах речей присутство-

вавших на них представителей властных структур, непосредственных откликах, выступлениях на прениях четко проявляется преломление политики властей в сознании людей;

4) информационно-аналитические материалы органов политического контроля, в которых акцент ставится на негативных реакциях населения на действия властей, что определяет необходимость верификации источника и сопоставления его содержание с материалами других видов источников;

5) материалы периодической печати, анализируя информационную ценность которых необходимо учитывать существенное влияние официальной позиции властей на содержание публикуемых текстов;

6) источники личного происхождения (автобиографии, письма ходатайства, жалобы и заявления), направляемые в областные и союзные органы исполнительной власти, адресованные руководству ЦК ВКП (б), лидерам партии и государства. Будучи коммуникативным способом решения насущных вопросов повседневной жизни, клапаном для выпуска социальной энергии и недовольства они содержат информацию о социальных явлениях и процессах, о взаимоотношениях в производственных коллективах, партийных ячейках, семье, городской среде, оценках внутривластного курса развития страны, что позволяет реконструировать различные конструкты политической культуры населения уральских индустриальных городов в 1920-1930-е гг.

3. Анализ

Ответ на вопрос, где бы поставил запятую житель уральского индустриального города в формуле «действовать нельзя бездействовать» предполагает поиск ответа на вопрос о типе советской политической культуры. Остановившись на трактовке политической культуры как совокупности норм и ценностей, которые разделяются большинством граждан и находят выражение в их политической деятельности, оценке политических событий, отношении к политике и ее компонентам, в качестве базовой типологии возьмем классификацию Г. Алмонда и С. Вербы, которые выделяют три типа политической культуры и их разновидности [Алмонд, 1992].

Первый тип – приходская, или пароклиальная (от гр. «para» – около, возле и «oikos» – место обитания, домохозяйство; т.е. местечковая, провинциалистская, патриархальная) политическая культура, которая характеризуется отсутствием у людей интереса к политике и ориентирована на локально ограниченные ценности и интересы.

Второй тип – подданическая политическая культура, которая также предполагает пассивное отношение индивида к политической жизни, при этом люди обладают знаниями о политической системе, являются политически сознательными, могут иметь свое мнение – положительное или отрицательное – о деятельности политических институтов.

Третий тип – партиципаторная политическая культура, или политическая культура участия, которая характеризуется тем, что граждане проявляют активный интерес к политической жизни, ведут себя как подлинники участники политического процесса, стремятся влиять на действия и решения властных структур с помощью легальных средств влияния – выборов, референдумов, участия в деятельности партий и движений, протестных действий [Вахнина, 2020].

В рамках конкретных обществ выделенные три типа взаимодействуют между собой и порождают смешанные разновидности с преобладанием тех или иных компонентов: провинциалистско-подданический, подданическо-партиципаторный, провинциалистско-партиципаторный. По мнению авторов типологии наиболее оптимальным является особый тип смешанной культуры – синтетическая гражданская культура, или политическая культура гражданственности, в рамках которой происходит адаптация пароклиальной и подданической культур к культуре партиципаторной, то есть гражданин «должен быть активным, но в то же время пассивным, включенным в процесс, однако не слишком сильно, влиятельным, но при этом почтительным к власти» [Алмонд, 1992].

Таким образом, по определению Г. Алмонда и С. Вербы, гражданская культура представляет собой синтез приходского, подданического и партиципаторного типа взаимодействия власти и общества (при доминировании последнего), когда граждане не только интересовались политикой, но и были ориентированы на активное участие в общественной жизни [Алмонд, 2010]. При этом Г. Алмонд акцентировал внимание на том факте, что политическая культура относится к категории политических ориентаций – взглядов и позиций относительно политической системы и ее разных частей, а также позиций относительно собственной роли в этой системе [Алмонд, 1997]. Трактую сущность политической культуры как системы, усвоенной в сознании, чувствах и оценках населения, он отмечал, что люди вовлечены в нее так же, как они социализированы в неполитические роли и социальные системы.

В советском социальном пространстве политика растворялась в повседневности, идеологически оформляя как хозяйственные кампании (по развертыванию социалистических соревнований, распространению займов индустриализации, интенсификации производства, формированию новой рабочей этики), так и культурные и бытовые практики поведения населения, поэтому 4 основные компонента политической культуры (познавательный, оценочный, эмоциональный, поведенческий) были тесно переплетены и связаны между собой.

В рамках данной статьи, с учетом принципов обозначенной типологии, рассмотрены 2 компонента политической культуры населения индустриальных городов: степень общественного участия и лояльность властным инсти-

тутам. Перечисленные элементы являлись производными структурами процесса «самолегитимизации» власти, которая для поддержания собственного авторитета побуждала граждан к проявлению лояльности и активности.

Анализируя первый компонент – степень общественного участия – отметим, что длительное время в советской историографии доказывался тезис о «политическом активизме» населения, что вполне объяснимо, поскольку в поле изучения историков преимущественно оказывались конвенциональные типы социальных отношений. Исследователи апеллировали тем, что всеобщая мобилизация общества на выполнение задач социалистического строительства требовала формирования как единственно приемлемой партиципаторной (участвующей) тактики поведения, что осуществлялось посредством коллективных (идеологических) и селективных (материальных) стимулов.

Рассматривая механизм активизации общественного участия в рамках теории политического пространства П. Бурдьё [Бурдьё, 1993, Хромова, 2016] и теории «социологии господства» М. Вебера [Вебер, 2016] отметим, что главным механизмом обеспечения стабильности власти было признание обществом ее легитимности, которую можно трактовать как способность политических режимов создавать социальную базу поддержки своих действий и формировать позитивное по отношению к данному режиму массовое политическое сознание [Вебер, 1990, с. 637].

В качестве одной из первоочередных задач проводимых кампаний руководство страны определило изменение форм участия населения в общественной и политической жизни. Прежде всего, необходимо было вовлечь человека в политическое пространство, сделать его сопричастным процессу реализации государственной политики, и, тем самым, повысить моральную ответственность за выполнение задач развития страны. Прием «вовлечения во взаимодействие» сводился к тому, чтобы подтолкнуть человека к конкретному незначительному действию и на его основе расширить зону совместного участия в решении проблемы. В этом случае решающую роль играл психологический фактор взаимных обязательств, когда человек чувствовал ответственность за совершенный поступок и склонялся к последовательности в своих действиях и в необходимости согласия с властью.

Вовлечение человека в политическое пространство происходило через традиционные каналы взаимодействия власти и общества, интерпретированные новыми управленческими структурами для воспитания «политически активного гражданина». Такими символично-ритуальными мероприятиями выступали партийные, комсомольские, профсоюзные собрания, производственные совещания, ежедневные политинформации, индивидуальные и коллективные «читки» газет, радиопередачи, обучение в системе партийного просвещения, торжественные заседания и демонстрации, «инициированное выступление в ВКП(б), символизирующее «передачу – переход»

лучших рабочих в ряды партии.

Массовые политические кампании становились одними из основных коммуникативных каналов реализации намеченного властью курса и обуславливали формирование нескольких типов проявления активизма.

Первая категория «активистов» рассматривала собственную деятельность как стратегию социального взаимодействия, обусловленную сугубо меркантильными мотивами: желанием улучшить материально-бытовое положение, решить жилищный вопрос, получить предлагаемый минимум социальных привилегий.

Вторая группа, представляющая собой активную часть населения с «запятнанным прошлым», использовала «политический активизм» как механизм социальной реабилитации, осознавая, что при «ежедневном надзоре за биографией» активная жизненная позиция является одним из действенных способов повышения и закрепления достигнутого социального статуса, вариантом приближения к социальному идеалу, реабилитацией «социального прошлого» за счет участия в общественной жизни.

Мотивация поведения третьей группы политически активных людей была обусловлена сохранением влияния в обществе преобразовательного импульса революционных событий. Осознание несовершенства системы, сопровождаемое «эффектом обманутых надежд», обуславливало стремление части городского населения изменить существующее положение посредством активной советской работы. Основную часть данной группы составляли коммунисты с дореволюционным партийным стажем. Их политическое влияние, особенно на молодежь и новые рабочие кадры, значительно отличалось от авторитета следующей группы, представленной членами партии с незначительным стажем ответственной работы.

Мотивы активности этой группы можно охарактеризовать как традиционно-инертные. Выдвигаемые производственными коллективами, без явной личной мотивации, они не стремились проявлять активность, внутренне не актуализируемую, и, следовательно, не являющуюся основой личного поведения.

Мотивы обретения власти над другими людьми, служили побудительными аргументами для проявления «политического активизма» следующей группы населения. Этот тип достаточно трудно выделить, поскольку, не отдавая порой отчета об истинных мотивах своего поведения, они, тем более, не могли гласно о них заявлять из этических соображений.

Активность следующей группы «активистов» была обусловлена «компенсаторной» функцией. Стремясь ликвидировать отсталость в политическом образовании, становившуюся причиной внутренних комплексов, они воспринимали разные формы проявления политической активности как экспериментальную площадку для повышения политической культуры. Дополнительным аргументом проявления

активности становилось стремление достигнуть преимущества перед другими людьми, тем самым устраняя приобретенные внутренние барьеры.

Внешне демонстрируемый гражданами активизм, позиционируемый как форма лояльности власти, тем не менее был сопряжен с общественной пассивностью «большинства». Анализируя ее причины стоит отметить сохранение у населения городов традиционного представления о характере участия в политической жизни, основанного на сохранении связи с землей, элементов психологии горнозаводских рабочих специфики «горнозаводской» модели управления, а также приобретенного «инстинкта невмешательства» и заикленности на индивидуальных повседневных проблемах. Немаловажным фактором являлась несогласованность агитационно-массовой работы местных властей и профсоюзных, партийной организаций.

Проявлению общественной активности препятствовала политическая неграмотность и слабый интерес населения к идеологической литературе. Согласно сводкам Пермского окружного Совета, «читаемость» политической периодики достигала лишь 1,4 %, интерес к газетным статьям руководящего характера составлял 8,55 %, вопросами социалистического строительства интересовались 23 % граждан, а отсутствие интереса к местной газете «Искра» проявляли 100 % населения округа [ПГАСПИ. Ф.1095 Оп. 5. Д. 26, л.281].

Снижению общественной активности способствовала и шаблонность и ритуальность политических кампаний, когда ранее допускаемая свободная дискуссия постепенно заменялась 100%-м голосованием за заранее подготовленные резолюции, не подлежащие обсуждению, приводила к формированию двойственности общественного сознания: механической поддержке решений на собраниях и активному «товарищеско-кулуарному» обсуждению актуальных вопросов в неформальной обстановке. Само население отмечало неэффективность механизмов представительства: «*зачем ходить на эти собрания, если решения администрация не проводит?*» [ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 146, л.25].

В докладных записках партийных органов отмечается «недовольство рабочих частыми дерганьями на собрания и различные совещания» [НТГИА. Ф.Р-70. Оп.2. Д.220. Л.77об.]. Для снятия социального напряжения в газетах публиковали стихотворные фельетоны, выполнявшие роль своеобразного «клапана для выпуска пара» народного недовольства (Тагильский рабочий. 1930. №11. С. 3.):

*Сегодня пять собраний, на каждом
Надо быть!
Михею некогда обедать,
Некогда себя умыть.
Беда!
Но тут Михею мысль пришла*

Одна.

На первое собрание пошло-ка

Я Гришутку

Второе пустяковое – туда

Трехлетнего Мишутку.

На третье – бабушку Таисью,

Четвертое – подстать жене Анисье!

На пятое, пожалуй, можно не ходить.

Ура! Свобода – можно и чайку попить.

Срывы мероприятий, в ироничной форме воспринимаемые «виртуальными» участниками, также нашли отражение в городской сатире (Зверев Сергей. Уважительные причины // Рабочий. 1928. №67(659):

На собрания отчетном

Пустота была и тьма.

И ругалась громко в черта

Сторожиха у окна.

В первый раз прошло собрание,

Без дебатов, без страстей.

Даже не было скаканья

На скамейке у дверей.

Не кричали,

Не ревели,

И, конечно, оттого

Что доклад узришь... в портфеле,

На собрание ж ...никого.

Анализируя второй компонент политической культуры, отметим, что население индустриальных городов в этот период четко разграничивало два показателя – политическая активность и политическая лояльность. Население было вынуждено ходить на перевыборные собрания, поскольку игнорирование этого компонента проявления лояльности к власти означало нарушение правил политической игры и грозило потерей определенных прав и привилегий, но при этом у гражданина оставалось право внутренней политической пассивности и возможности ее проявления в другом контексте. Начиная с рубежа 1920-х–1930-х гг. при характеристике массового сознания уральцев мы можем констатировать формирование нового типа гражданина, видимая активность которого не соответствовала внутренней политической пассивности, что известно в науке как парадокс ла Пьера (несоответствие мнения (внутреннего, не выраженного суждения) и внешнего поведения) [Копец].

Парадокс ситуации заключался в том, что формируемая правительством политическая культура, замыкаемая на проявлении лояльности и доверия к властным структурам, сводилась к готовности к демонстрационным актам в их поддержку, к праздности ритуалов и

инсценировок, к постоянно возобновляемой процедуре символической идентификации граждан властью [Кабацков, 2004, с. 230].

Авторы концепции «культурной рациональности» трактуют проявляемую общественно-политическую активность как результат рациональной адаптации традиционных (пассивных) установок к требованиям институциональной среды [Крыжан, 2011]. При этом главным фактором в выборе населением определенной стратегии социального поведения является не целенаправленная политика правительства, а сознательный выбор граждан, видевших в активном демонстрировании лояльности к власти необходимое условие удовлетворения материальных потребностей и повышения собственного статуса. Объясняя причины этого феномена, отметим, что в 1920-30-е гг. в массовой политической культуре сохранялась традиционная черта, названная Ю. М. Лотманом «вручением себя во власть» [Лотман, 1999]. Основными характеристиками такого типа взаимодействия народа и власти являлись приоритет в системе ценностей коллективных интересов, отождествление себя с властью, готовность встать на защиту государства, отказ от собственной политической ответственности и самостоятельности.

Проявлением политической культуре рубежа 1920-1930-х гг. является не только поддержка проводимого курса, но и непринятие официальной идеологии. Городское население, желавшее быть услышанным властью, избирало в качестве конкретных тактик поведения как легальные формы диалога с властью («письма во власть», обращения в Бюро жалоб, заявления в рабоче-крестьянские инспекции при Советах рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), так и альтернативные способы, трактуемые официальной идеологией как «антисоветские» (рассылка анонимок, «распускание» слухов, спонтанно организуемые митинги).

Спектр негативных общественных настроений содержится в информационных сводках ОГПУ, партийных и советских органов, которые фиксируют основные смысловые конструкты критических высказываний: недовольство материально-бытовыми компаниями, снижение расценок, разочарование в действиях большевиков, ошибочность выбранного курса, уклонение от первоначальной линии партии, неверие в успех «социалистических опытов», отрицательное сравнение существующей социальной реальности и дореволюционной ситуации. В архивных материалах достаточно лаконично обобщены причины недовольства властью: *«Большевики деньги убили в пятилетку, а рабочие должны сидеть голодом, ведь рабочие долго терпеть не будут, но большевики так хитро делали, что рабочие не могут собраться вместе и обсудить... выдумали пятилетку, живем во сто раз хуже, чем при царе, когда они брали власть, много обещали, но слова их были пустыми»* [ПГАСПИ, Ф.1095 Оп. 5. Д. 26].

Население выбирало формы согласно собственным представлениям о допустимых границах протеста. В сводке об идеологическом состоянии

парторганизаций вузов и техникумов г. Перми, органами ГПУ отмечен случай, когда студентка мединститута «изобрела новый способ борьбы с властью». Она завела тетрадь для записи ненужных, по ее мнению, постановлений советской власти, включая коллективизацию и ликвидацию кулака как класса [ПГАСПИ, Ф.1. Оп. 1. Д. 16. Л. 50].

Негативное восприятие социальных новаций правительства содержится и в письмах на имя руководителей различного ранга. Авторы заявлений, не считая себя противниками системы, желали донести до властей собственную интерпретацию положения в стране. Помимо упора на доверительные отношения, граничащие с фамильярностью, они прибегали к угрозам, заявляя, что, «*в противном случае, будут играть в дудку наших врагов*» [ПГАСПИ, Ф.1095. Оп. 6. Д. 14, л.22]. «Непартийный» автор письма на имя секретаря Пермского окружного комитета, прямо «высказывался: «*Хоть вы завязали рот обывателю, но истины не скроешь, если нельзя протестовать активно, то начинаешь сопротивляться пассивно*» [ПГАСПИ, Ф.1095. Оп. 7. Д. 18, л.112об.].

Сравнение советской и дореволюционной действительности, особенно среди социальных аутсайдеров нового времени, вызывало ностальгические эмоции о царской России. Бывший директор Пашийского завода, снятый с работы и исключенный из партии, говорил: «*Докладчики стараются показать только хорошее, чтобы замазать глаза. С рабочего дерут за все, а ему ничего не дают, поэтому ему живется хуже, чем при старом режиме*» [ГАПК.Ф. Р-122. Оп.3. Д.4. Л.75]. Рабочие, внешне лояльные по отношению к власти, также сравнивали режимы, подбирая для себя оптимальный вариант поведения. Мартеновец Талапаев в частных разговорах с товарищами говорил: «*Раньше куда лучше жилось, чем теперь. Хорошо Сталину вырабатывать разные там условия. Кто меня накормит, с тем я и пойду*» [ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д.241. Л.18]. Григорий Шистеров и его брат проводили исторические параллели с более ранними этапами развития государства: «*Мы при царе Николае жили лучше, в настоящее время душат пополам, отбирают все. Коммунисты хуже oprичников Ивана Грозного*» [НТГИА. Ф.Р-21. Оп.1. Д.811. Л.390]. Феномен исторических параллелей нашел отношение и в фольклорных произведениях:

*Был царь Николашка,
Жарили ели мяса по ляшке,
Наступил Ленин,
Стали давать по мене.
Воцарился Сталин,
Совсем ничего давать не стали.
Сидим голодные [ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д.241. Л.34].*

Анализ информационных сводок позволяет говорить о существовании нескольких типов людей, склонных к проявлению протеста. Преобладающая группа «критиков» состояла из представителей старшего

поколения, задействованных на производстве. Их возмущение действиями власти сводилось к недовольству существующим материально-бытовым положением. Вторая группа самоидентифицировала себя как «не имеющая влияния на политическую жизнь и оставшаяся не у дел, но в свое время принимающая активное участие в свержении царизма». Третья «колеблющаяся» группа лишь латентно выражала недовольство действиями властных структур, в отличие от четвертой группы – «активного меньшинства», отрицавшего возможность сотрудничества с властью.

Заключение

Таким образом, под влиянием обозначенных факторов в индустриальных городах Урала сформировалась специфичная система политического диалога, сложился широкий спектр стратегий поведения уральцев, были нормативно сформулированы новые «правила политической игры», определившие стратегии действия как для населения, так и для властей.

На определение каждым человеком собственной социальной роли влиял целый ряд критериев, осознанных и неосознаваемых, психологических, идеологических и мировоззренческих установок, особенностей жизненного опыта.

Изначальный приоритетный для жителей городов вариант пассивного сотрудничества был невыгоден партийно-государственному руководству, которому для реализации курса форсированного развития страны необходимо было перестроить модель властных отношений, изменить механизм проведения в жизнь решений и «воспитать политически активного гражданина». Управленческими структурами ставилась задача создания «новых людей», которые бы обеспечивали социальную базу поддержки выбранного политического курса и формировали лояльное общественное мнение в отношении политике партии и государства, что соответствовало критериям смешанного типа гражданской политической культуры, основанной на синтезе приходского, подданнического и партиципаторного типа взаимодействия власти и общества.

Вовлекаемое в модифицируемое политическое и экономическое пространство население начинало усваивать новые ценности и нормы поведения, под воздействием которых трансформировалась традиционная политическая культура. Вместе с тем тяжелые материально-бытовые условия существования, идеологический прессинг, бескомпромиссность власти, допускавшей применение только отдельных тактик «заигрывания» с населением при пресечении «недозволенных» вариантов поведения, социальный пессимизм, обусловили как проявления критических настроений, так и выбор различными категориями населения приспособленческих, адаптационных, компромиссных тактик взаимодействия с властными структурами. Население страны продолжало стоять перед постоянным выбором стратегии взаимодействия с властью,

расставляя запятую в формуле - «действовать нельзя бездействовать», что предполагало определение каждым человеком роли активного участника, пассивного соучастника, либо активного/ пассивного противника.

Список литературы

Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба. – Текст: непосредственный // ПОЛИС. – 1992. – № 4. – С. 122–134.

Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильная демократия / Г. Алмонд – Текст: непосредственный // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. – Москва : Изд-во «Мысль», 1997. – С. 593–600.

Алмонд, Г. А. Гражданская культура (подход к изучению политической культуры) / Г. Алмонд, С. Верба. – Текст: электронный // Политика. – 2010. – № 2 (57). – С. 122–144.

Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. – Москва : Изд-во «Sociologos», 1993. – 316 с. – Текст: непосредственный.

Вахнина, Е. Г. Политическая культура и политическая социализация / Е. Г. Вахнина. – Санкт-Петербург : Изд-во «Фонд развития конфликтологии», 2020. – 20 с. – Текст: непосредственный.

Вебер, М. Избранные произведения / перевод с нем. Ю. Н. Давыдова, предисловие П. П. Гайтенко. – Москва : Изд-во «Прогресс», 1990. – 720 с. – Текст: непосредственный.

Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Текст: непосредственный.

Кабацков, А. Н. Игра на два поля: к формированию политических коммуникаций в современной России / А. Н. Кабацков, А. С. Кимерлинг, О. Л. Лейбович. – Текст: непосредственный // Ученые записки гуманитарного факультета Пермского государственного технического университета. – 2004. – Вып. 8. – С. 217–232.

Копец, Л. В. Классические эксперименты в психологии. – URL: <https://psychosearch.ru/napravleniya/social/834-kopez>. – Текст: электронный.

Крыжан, А. В. Социально-политическая повседневность в советской России в 20-е гг. XX в / А. В. Крыжан. – Текст: электронный // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaya-povsednevnost-v-sovetskoj-rossii-v-20-e-gg-xx-v> (дата обращения: 10.12.2021).

Лотман, Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры. – Текст: непосредственный // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллин : Изд-во «Александра», 1993. – Т. 3. – С. 345–355.

Припечкин, В. В. Политическая культура и политическая социализация: концептуальные и методологические подходы /

В. В. Припечкин, Н. П. Настасюк. – Текст: электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-i-politicheskaya-sotsializatsiya-kontseptualnye-i-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 10.02.2022).

Хромова, Е. Б. Поле политики в социальной философии П. Бурдьё: некоторые элементы теории / Е. Б. Хромова. – Текст: электронный // Технологос. – 2016. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pole-politiki-v-sotsialnoy-filosofii-p-burdie-nekotorye-elementy-teorii> (дата обращения: 20.12.2021).

Список источников

Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф.Р-70. Оп.2. Д.220. Л.77об.

Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф.Р-21. Оп.1. Д.811. Л.390.

Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ). Ф.1095 Оп. 5. Д. 26.

Пермский государственный архив социально-политической истории Ф.1095. Оп. 6. Д. 14.

Пермский государственный архив социально-политической истории Ф.1095. Оп. 7. Д. 18.

Центр документации общественных орган Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 146.

Центр документации общественных орган Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп.10. Д.241.

Статья получена: 24.02.2022

Статья принята: 11.04.2022

POLITICAL CULTURE IN 1920s-1930s IN THE MIRROR OF SOVIET EVERYDAY LIFE

I. V. Darenskaya

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivilnych@mail.ru

Abstract. The article analyzes the components of the industrial population's political culture at the turn of the 1920s-1930s on the basis of legislative materials, articles, speeches of

Communist party leaders and statesmen, office documentation, information and analytical materials of political control bodies, periodicals and sources of personal origin. The article deals with the typology of political culture worked out by G. Almond and S. Willows, typologies proposed by P. Bourdieu and M. Weber as methodological tools for analyzing behavior patterns of Ural cities population. The author also gives his own classification of models of interaction between the authorities and the urban population, which is based on the criterion for the manifestation of political activism. The article focuses on two components of the industrial population's political culture: the degree of public participation and loyalty to power institutions, derivative structures of the process of "self-legitimization" of power, which, in order to maintain its own authority, encouraged citizens to show loyalty and activity.

Key words: political culture, power, interaction strategy, political loyalty, everyday life

References

Almond, G. (1992). Grazhdanskaja kul'tura i stabil'nost' demokratii [Civic culture and stability of democracy]. *POLIS*, 4, 122–134.

Almond, G. (1997). Grazhdanskaja kul'tura i stabil'naja demokratija [Civic culture and stable democracy]. In *Antologija mirovoj politicheskoj mysli. T. 2* [Anthology of world political thought. Vol. II] (pp. 593–600). Moscow: Mysl.

Almond, G. A., Verba, S. (2010). Grazhdanskaja kul'tura (podhod k izucheniju politicheskoj kul'tury) [Civic culture (an approach to the study of political culture)]. *Politiya*, 2(57), 122–144.

Bourdieu, P. (1993). *Sociologija politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-logos.

Hromova, E. B. (2016). Pole politiki v social'noj filosofii P. Burde: nekotorye jelementy teorii [The field of politics in the social philosophy of P. Bourdieu: some elements of the theory]. *Tehnologos*, 1. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/pole-politiki-v-sotsialnoy-filosofii-p-burdie-nekotorye-elementy-teorii>.

Kabackov, A. N., Kimerling, A. S., Lejbovich, O. L. (2004). *Igra na dva polja: k formirovaniju politicheskikh kommunikacij v sovremennoj Rossii* [Two field game: Toward the Formation of Political Communications in Modern Russia]. *Uchenye zapiski gumanitarnogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, 8, 217–232.

Kopec, L. V. *Klassičeskie jeksperimenty v psihologii* [Classical experiments in psychology]. Retrieved from <https://psychosearch.ru/napravleniya/social/834-kopec>.

Kryzhan, A. V. (2011). Social'no-politicheskaja povsednevnost' v sovetskoj Rossii v 20-e gg. XX v. [Socio-political everyday life in Soviet Russia in the 20s. XX century]. *Uchenye zapiski OGU. Series: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 6.: Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaja-povsednevnost-v-sovetskoj-rossii-v-20-e-gg-xx-v>

Lotman, Yu. M. (1993). «Dogovor» i «vruchenie sebja» kak arhetipičeskie modeli kul'tury. ["Agreement" and "giving oneself" as archetypal models of

culture]. In *Izbrannye stat'i. Tom 3* [Selected articles. Vol. 3] (pp. 345–355). Tallin: Aleksandra.

Pripechkin, V. V. (2013). Politicheskaja kul'tura i politicheskaja socializacija: konceptual'nye i metodologicheskie podhody [Political culture and political socialization: conceptual and methodological approaches]. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, № 4(60). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-i-politicheskaya-sotsializatsiya-kontseptualnye-i-metodologicheskie-podhody>

Vakhnina, E. G. (2020). *Politicheskaja kul'tura i politicheskaja socializacija* [Political culture and political socialization]. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Fond razvitija konfliktologii».

Weber, M. (1990). *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow: Progress.

Weber, M. (2016). *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii: v 4 t.* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology, in 4 volumes]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki.

Submitted: 24.02.2022

Accepted: 11.04.2022

УДК 323 : 930.253 + 343.294

«АРХИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ПРОЦЕСС РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКА

В. М. Кириллов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
history_vmk@mail.ru

Аннотация. В качестве предмета исследования в статье избрана проблема реабилитации жертв политических репрессий в СССР. Актуальность и новизна исследования заключаются в изучении процесса реабилитации на основе личного опыта современника – активного участника работы в области публичной реабилитации репрессированных. В качестве основных исторических источников избраны воспоминания автора, законодательные документы, сборники архивных материалов, книги памяти и исследовательские работы отечественных историков. Методологический инструментарий представлен современными теоретическими подходами в изучении политической и социальной истории, методами анализа источников личного происхождения с опорой на микроисторический подход. Проведенное исследование показало, что в 1990-х гг. российское общество и государство поддержали курс политики покаяния применительно к советскому прошлому. Это привело к позитивному развитию процесса реабилитации жертв политических репрессий и формирования новой культуры памяти. В начале XXI в. вектор общественных настроений сменился под воздействием ностальгии по имперскому величию СССР. Властные структуры российского государства избрали в качестве приоритетного курс политики самоутверждения. Процесс проработки прошлого испытал определенный регресс и приостановился.

Ключевые слова: историческое самосознание, политическая цензура, новая историческая наука, архивная революция, реабилитация, политические репрессии, политика исторической памяти, новая культура памяти.

1. Введение

Процесс реабилитации жертв политических репрессий приобрел свое истинное значение в 1990-х гг. в условиях проводимой государством политики покаяния и рассекречивания материалов силовых ведомств. Порожденная этими обстоятельствами «архивная революция» способствовала массовой публичной реабилитации репрессированных.

Комплекс исторических источников, порожденных вышеназванными обстоятельствами, позволяет нам изучить особенности процесса реабилитации и сверить их с личным опытом профессиональных историков активно участвовавших в работе по публичной реабилитации жертв государственной политики.

2. Материал и методика исследования

В качестве основных исторических источников избраны воспоминания автора, законодательные документы, сборники архивных материалов, книги памяти и исследовательские работы отечественных историков. Методологический инструментарий представлен современными теоретическими подходами в изучении политической и социальной истории с использованием микроисторического анализа источников личного происхождения.

3.1. Особенности исторического сознания «семидесятников»

Людей моего поколения можно отнести к «семидесятникам», становление мировоззрения которых проходило в 1970-х гг., частично вобрав в себя опыт «шестидесятников». Формирование моего рационального «мира» относится к концу 1960-х (старшие классы средней школы) – середине 70-х гг. (обучение на историческом факультете университета). В 9-м классе школы учительница истории поручила мне сделать доклад по запретной книге А. М. Некрича «1941, 22 июня» (о ее оценке, как «антисоветской», я узнал гораздо позже). Удивительно, что она не была изъята из библиотеки провинциального городка, где я жил и учился.

На старших курсах университета началось регулярное прослушивание «западных голосов»: Би-Би-Си, Голоса Америки, Радио Свобода, Немецкой волны, чтение произведений самиздата, куда входили «Гадкие лебеди» братьев Стругацких, «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына. Студенты, благодаря учебному курсу «История КПСС», оказались хорошо знакомы с материалами XX съезда коммунистической партии, разоблачающими «культ личности» Сталина, и частично осознавали губительность его репрессивной политики для страны. Многие партийные лозунги современности казались нам ложными, хотя в целом перспектива развития страны не вызывала сомнений.

Первый опыт научной работы был приобретен мною на старших курсах университета в процессе написания дипломной работы по теме «Палестинская проблема и создание государства Израиль». На преддипломной практике группа студентов истфака получила возможность работы с первоисточниками в спецхране самой современной библиотеки 1970-х годов – Института научной информации по общественным наукам в Москве. Там мы впервые листали журналы «Америка» и «Плейбой», узнали про работы А. Тойнби.

Субъективная актуализация темы моего первого опыта научного исследования оказалась напрямую связана с политическими реалиями СССР. Как известно, в 1970-е годы сложилась напряженная ситуация с еврейской эмиграцией из нашей страны. Среди моих знакомых были и евреи. Меня всегда удивляло специфическое отношение к ним в обществе и государстве, проявления антисемитизма и дискриминации. Эти обстоя-

тельства во многом определили тему моих последующих научных изысканий и чувствительность к гуманитарным проблемам в развитии общества.

В свою студенческую бытность, мы довольно остро воспринимали политические события 70-х гг. Помню, тогда нас возмутила статья генерального секретаря компартии США Г. Холла, в которой он обрушился на академика А. Д. Сахарова, обратившегося к руководству СССР со своей знаменитой ныне работой «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». К тому времени было уже известно, что Г. Холл находится на изживении нашей партии и является крупным собирателем картин, фактически строя свое личное благополучие на обслуживании чуждой американскому народу идеологии. Мы провели комсомольское собрание, на котором возникли ожесточенные дискуссии. В конечном итоге позиция Г. Холла не нашла одобрения большинства. Это время было временем «увядания» и развала комсомольских организаций.

Работая в сельской школе, я практически бесконтрольно мог говорить на уроках истории все, что думал. К сожалению, думать нас почти не учили. Назвать себя диссидентом не могу. Рассуждал я тогда весьма примитивно и вполне соответствовал официальной идеологии. Например, зачитывал ученикам 10-го класса выдержки из статей К. Маркса, Ф. Энгельса и Л. Фейербаха, поддерживая тезис о возможности построения коммунистического общества в СССР. И только значительно позже ко мне пришло осознание того, что говорил я это внукам раскулаченных-спецпереселенцев.

Уже в Екатеринбурге по время молодежных дискуссий с моими старшими по возрасту товарищами (среди которых были философы и физики) я узнал о существовании методологического семинара Г. П. Щедровицкого. В 1979 г. поступил в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории МОПИ им. Н. К. Крупской, которую окончил в 1982 г. В Москве мне посчастливилось близко познакомиться с Г. П. Щедровицким, крупнейшим советским методологом, и некоторое время обучаться в его методологическом семинаре.

Кандидатская диссертация на тему «Проблема единства трудящихся различных расово-этнических групп США в борьбе против монополий (середина 1960 – начало 1980-х гг.)» была защищена в 1983 г. В ее названии ярко отразилась полная зависимость исторической науки советского времени от идеологии «руководящей и направляющей» силы СССР – КПСС. Все статьи проходили через партийную цензуру. В эти времена выгоднее было заниматься историей партии, в каждой аспирантуре были десятки мест для членов КПСС. Аспирантурам по всеобщей истории выделялось незначительное число вакансий в условиях достаточно жесткой конкуренции.

3.2. Отмена политической цензуры и становление новой исторической науки. Историки и общественное движение «Мемориал»

В середине 1980-х гг. в стране начались кардинальные изменения в сфере идеологии и политики, так называемая горбачевская «перестройка». Ее иронически называют сейчас «катастрофой» и связывают с началом развала СССР. Однако отказ от статьи в Конституции о «руководящей и направляющей роли» компартии, от идеологической цензуры стал поистине революционным событием для истории, которая получила шанс из служанки утопической идеологии превратиться в подлинную науку.

К концу 80-х гг. я был готов к восприятию «ветра перемен», демократических преобразований, а в 1985 году, после знаменитого выступления М. С. Горбачева в Смольном, вступил на короткое время в партию. Правда, не скрою, в этом проявилось и вполне прагматичное желание получить доступ для работы в партийных архивах. Пребывание в партии было коротким, политика Горбачева вызвала разочарование, и более привлекательным для меня оказалось общественное движение «Мемориал», поставившее целью разоблачение политики репрессий и увековечение памяти жертв репрессивной политики. Поэтому в 1989 г. я принял участие в создании Нижнетагильского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» и стал одним из трех его сопредседателей, руководил научно-исследовательским центром «Мемориала».

Отмена политической цензуры открыла двери становлению новой исторической науки, позволила приступить к изучению «запретных тем». Историко-поисковая группа общества «Мемориал» занялась сбором материалов о репрессиях в годы советской власти. Недостатка в источниках не было потому, что Н. Тагил был одним из центров, принимавших людей, ставших жертвами массовых политических репрессий. На основе собранных материалов осенью 1989 г. мы провели выставку, а в 1994 г. опубликовали книгу памяти, посвященную тагильчанам-жертвам репрессий. Таким образом, произошла моя переквалификация в специалиста по отечественной истории.

С начала 1990-х гг. основная проблематика моих научных исследований – «История политических репрессий в СССР». В 1996 г. была опубликована монография «История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-50-х гг.» и защищена первая в России по данной проблематике докторская диссертация по вышеназванной теме. В ходе работы над диссертацией произошло освоение междисциплинарных методов исследований, в частности, методики создания баз и банков данных. Развернулась работа по созданию целого ряда электронных баз данных: «Лишенные избирательных прав», «Спецпереселенцы», «Репрессированные за контрреволюционные преступления в 1930-х гг.», «Узники Тагиллага»,

«Карта Уральского ГУЛАГа». Ее результаты излагались на ежегодных конференциях Ассоциации «История и компьютер», постоянным членом которой я стал в 1993 г. Все 90-е годы прошли под знаком работы на конференциях этой авторитетной ассоциации, которые собирали более сотни молодых ученых естественных и гуманитарных наук. Это было время своеобразной эйфории, казалось, что с помощью количественных методов можно создать точную модель любого исторического процесса и явления, вырваться из плена политизированной советской исторической науки.

Вполне логичным стало оформление идеи создания проблемной научно-исследовательской лаборатории для концентрации усилий по разработке региональной истории. Эта идея воплотилась в лаборатории «Банк данных: Нижнетагильский регион в XX в.», основание которой было утверждено на Ученом совете НТГПИ в ноябре 1996 г. (с 2001 г. лаборатория «Исторической информатики»). По 2008 г. она одновременно являлась НИЦ Нижнетагильского «Мемориала».

Наиболее запоминающимися проектами в деятельности нашего небольшого коллектива стали создание банка данных по истории репрессий на Урале и проведение региональной конференции» (1997); разработка-спасение материалов архива Тагиллага, создание электронной базы данных, массовая реабилитация и издание книги памяти «Советские немцы – узники лагерей Урала» (1999-2011); «Возвращенные имена» или «Единый электронный БД жертв политических репрессий в СССР» (2000-2003)».

С деятельностью лаборатории связана значительная часть моей жизни. В ее работе сплелись в единое целое наука, образование и общественная жизнь. Во многом это стало возможным благодаря использованию новейших средств информатизации и программных разработок в сфере исторических исследований. Они многократно повысили оперативность во всех сферах нашей деятельности и привлекли внимание к ней учащейся молодежи.

В орбиту деятельности лаборатории вовлечены десятки исследователей, как профессиональных, так и начинающих: школьники, студенты, преподаватели, журналисты, краеведы, фотографы и художники, свидетели и очевидцы событий, ставшие жертвами репрессивной политики советского государства. Мы поддерживаем плодотворные контакты с научными, образовательными и общественными организациями России и стран СНГ, зарубежными странами.

Приоритетным направлением нашей работы с 2000-го года является проект – «Gedenkbuch»: Электронная книга памяти российских немцев», в рамках которого мы издали серию Книг памяти, посвященных российским немцам-трудармейцам. Работа в проекте «Gedenkbuch» связала мою научную деятельность с Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН).

Довольно часто мне задают вопрос: «Вы занимаетесь очень тяжелой темой, связанной с преследованием и уничтожением миллионов людей. Как вы справляетесь с этим психологически и не хотите ли заняться чем-то другим?»

Ответ на это непростой вопрос связан со смыслом всей моей научной деятельности. Во-первых, изучение истории репрессивной политики через судьбы людей открывает путь к истории повседневной жизни человека, а значит – к подлинно человеческой истории. Следовательно, это прямой ответ на призыв современной историографии воссоздавать историю человека как субъекта, творящего исторический процесс. Во-вторых, гуманитарные научные исследования, по моему глубокому убеждению, должны носить преимущественно прикладной характер, разрешая проблемы конкретных людей, обществ и государств, раскрывая смысл каждой человеческой жизни в потоке всемирной истории. В-третьих, знание об истории людей должно быть полным, а не выдаваемым по разрешению властей предержажших, стремящихся утаить негативные последствия губительной для общества политики.

Да, познавать страшную историю подавления и гибели невинных людей порой просто невыносимо. Мне не раз хотелось заняться чем-то другим, более позитивным и оптимистичным. Но каждый раз останавливает и одновременно вдохновляет необходимость нашей работы для сотен тысяч людей, их непосредственный благодарный отклик на публикуемую нами, ранее скрытую от них информацию о своих родных и близких. Мы отвечаем на многочисленные запросы людей, безуспешно, десятками лет искавших своих дедушек и бабушек, отцов и матерей, канувших в лагерях, тюрьмах, на спецпоселении. И нам чаще всего удается найти ответ на вопросы отчаявшихся. Именно в этом и состоит глубокий смысл нашей работы, а значит, и жизни.

3.3. Эпохальное значение «архивной революции» в процессе реабилитации жертв политических репрессий

Принятие в 1991 г. Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» положило начало подлинно правовому этапу реабилитации. За период с 1991 по 2009 гг. реабилитировано 3 972 140 чел., а в целом за период с 1954 по начало 2009 годов – 5 866 322 чел. (из 12-13 млн.) [Доклад Комиссии по реабилитации..., 2009, с. 4].

Широкий поток литературы, разоблачавший мифы советского прошлого, дополненный впечатляющими результатами архивной революции 1990-х гг., оказали мощное воздействие на историческое сознание общества и официальную «политику памяти». Попытка суда над КПСС открывала путь к фундаментальной проработке памяти о тоталитарном прошлом. Однако эта возможность не была реализована.

В 90-е годы в корне изменилось отношение к доминирующему мифу о всемирно-историческом значении революции 1917 г. 7 ноября 1996 г.

Президент РФ Б. Н. Ельцин издал указ, в котором отмечалось, что «Октябрьская революция 1917 г. коренным образом повлияла на судьбу нашей страны». При нейтральной оценке революционных событий 1917 г. была четко сформулирована цель указа: для недопущения противостояния, в целях единения и консолидации российского общества праздничный день 7 ноября был объявлен Днем согласия и примирения [Указ Президента РФ от 7 ноября 1996 г. N 1537...].

9 декабря 2004 г. Президент РФ В. В. Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 1 Федерального закона “О днях воинской славы (победных днях) России”». Был введен новый праздник — 4 ноября как День народного единства [Федеральный закон..., 2004]. В этом же году 7 ноября утратил статус нерабочего праздничного дня.

Сегодня на первом месте в государственной политике памяти Великой Отечественной война, пропагандируемая как стержень исторической памяти XX века. По сию пору не удается избавиться от советской формулы, согласно которой Победа 1945 г. оправдывает преступления коммунистического режима в межвоенный период [Миллер А.И.].

Тенденции общественных настроений и вектор государственной политики в новой России демонстрируют нам противоборство политики самоутверждения и политики покаяния. Примером тому может быть борьба вокруг концепции общенациональной общественно-государственной программы "Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении", разработанной Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Рабочей группой по исторической памяти в 2011 г.

В результате противоборства различных политических сил в системе исполнительной и законодательной власти РФ, реализовать общенациональную программу не удалось. Она была превращена усилиями чиновников в урезанную Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, без определения механизма реализации и условий финансирования. Конечным сроком реализации концепции вначале был определен 2019 г., сегодня он продлен до 2024 г.

Первые публикации источников появились в журнале «Известия ЦК КПСС» и затронули, в основном, «громкие» процессы 1930-х годов. Так, в одном из официальных сборников обобщены материалы по 11 процессам [Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов, 1991].

Прокатившаяся после объявленной в 1987 г. политики «перестройки» волна публицистики на тему репрессий, последовавшие за ней многочисленные научные публикации постепенно подвели нас к качественно иному уровню понимания темы репрессий. Изучение большинства вопросов данной темы стало глубже и объективней.

Наиболее радикальные изменения внесли в развитие историографии события 1991 г. – распад СССР, образование РФ, выход в свет указов «О

реабилитации жертв политических репрессий», «О реабилитации репрессированных народов». В 1991 г. Правительство РСФСР своим постановлением отменило цензуру. В соответствии с Указом Президента РФ (23.06. 1992) с материалов, связанных с политическими репрессиями, сняты ограничительные грифы. В 1991-1992 гг. спецхран ГУЛАГа стал доступным для более широкого круга исследователей. В 1992-1993 гг. начинается «архивная революция», теперь в секретные архивы попадают рядовые исследователи, рассекречиваются архивы ФСБ и МВД. Одновременно с потоком разоблачительных публицистических работ появляются первые серьезные научные исследования. Отечественным гуманитариям стали доступны достижения мировой исторической науки, многие книги зарубежных авторов переведены на русский язык, установлены контакты между учеными и исследовательскими центрами.

Выходит серия «прорывных» публикаций источников [Сталинское Политбюро в 30-е годы, 1995; Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1992, 1993; "Совершенно секретно": Лубянка – Сталину о положении в стране, 2001-2008; История сталинского ГУЛАГа, 2004-2007]. Значительный интерес для изучения проблемы «Большого террора» представляют публикации документов высших органов партийной и государственной власти [Советское руководство. Переписка, 1999; Письма во власть, 2002; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, 2003]. В 1989 г. в журнале «Известия ЦК КПСС» опубликована статья, где упомянута директива НКВД от 30.07.1937 г., а в 1992 г. в газете «Труд» впервые обнародован приказ № 00447 о массовой «антикулацкой» операции. С тех пор опубликовано немало документов, позволивших изучать механизм «Большого террора».

К обозначенному времени в отечественной историографии и правовой практике достаточно четко обозначился круг основных проблем темы «Репрессивная политика и ее жертвы в СССР»: причины и сущность революционного переворота 1917 г.; формирование и специфика правовой системы советского государства; красный и белый террор периода гражданской войны; практика лишения избирательных прав; раскулачивание и спецссылка; Большой террор; лагерная система 1930-начала 1950-х гг.; масштабы репрессий и количество репрессированных; интерпретация понятий «репрессии», «репрессивная система и репрессивные органы», «виды репрессий и категории репрессированных», «система и структура мест отбывания наказания», «кассационный пересмотр дела, прекращение дела, амнистия, реабилитация», «юридические основания репрессий и реабилитации», типы источников и виды архивных документов по истории репрессий» и другие.

В своих работах В. Н. Земсков проанализировал материалы о «кулацкой ссылке» с 1930 г. по конец 1950-х гг., показал географию спецпоселений; описал историю ГУЛАГа, впервые привел официальные данные о

численности заключенных различных категорий, осветил тему репатриации советских граждан и рождения «второй эмиграции». Н. Ф. Бугай занимался изучением истории депортаций народов СССР.

В рассматриваемый нами период зародилась историография проблем политических репрессий против российских немцев: в печати появились воспоминания трудармейцев, состоялись первые научные конференции.

Применительно к проблеме Большого террора принципиальное значение имели публикации О. В. Хлевнюка, который одним из первых стал работать с архивом Сталина [Хлевнюк, 1992].

Он выработал новую концепцию массовых репрессий, доказав «что репрессии были результатом спланированной Политбюро ЦК ВКП (б) акции по ликвидации потенциальной «пятой колонны» в преддверии возможной войны; «генеральной чистки» советского общества» от «бывших»; возвратившихся из ссылки кулаков; борьбы против религии как конкурирующей идеологии; ликвидации преступности [Хлевнюк, 2004, с. 433–451].

В целом ряде работ российских историков раскрывается механизм массовых репрессий в различных регионах СССР [Чухин, 1994; Кириллов, 1996; Папков, 1997].

Важное место в документальных публикациях на тему репрессий занял процесс раскулачивания. Одними из первых здесь стали работы авторских коллективов из Новосибирска, Петрозаводска и другие [Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1992, 1993; Документы свидетельствуют, 1989]. В них представлен значительный массив директивного материала органов спецссылки и раскулачивания как центрального, так и регионального уровня. Документы позволяют оценить идеологические и хозяйственные мотивы этих процессов, проследить за конкретным воплощением их в жизнь, проанализировать важнейшие проблемы функционирования спецссылки: условия жизни и труда спецпереселенцев, их хозяйственное использование.

Многие уникальные материалы, как по раскулачиванию, так и по другим видам репрессий, представлены в выпусках «Неизвестная Россия XX в.», «Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах», в хрестоматии «История России. 1917-1940» [Неизвестная Россия, 1992; Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах, Цаплин В. В. 1994; История России. 1917-1940, 1993].

Ценный статистический материал, без которого невозможно оценить численность жертв репрессий, содержится в публикациях специалистов-демографов. Они позволяют наиболее близко к истине оценить результаты Всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939 гг., понять причины официального аннулирования результатов второй из них, вычле-

нить из общей массы населения 1930-х гг. заключенных и спецпереселенцев [Цаплин, 1989, с. 175–181; Население России в 1920-1950-е годы, 1994].

В пределах бывшего СССР к середине 1990-х гг. сложился ряд научно-исследовательских центров по изучению истории репрессий. В Москве на базе НИЦ Московского и Международного Мемориала ведется разработка целого ряда исследовательских проектов: «История диссидентства», «Остарбайтеры», «Поляки, репрессированные в СССР», «История ИТЛ СССР (1929-1961 гг.)»; вышел целый ряд интересных публикаций [Звенья: Исторический альманах, 1991, 1992].

Активно занимаются изучением темы репрессий в Санкт-Петербурге, Харькове, Донецке, Перми, Екатеринбурге, ряде городов Сибири (Тобольск, Новосибирск, Омск, Томск, Кемерово), Магадане, Петрозаводске, Воркуте, Сыктывкаре, Рязани, Калуге, Элисте, Владивостоке, Казани, Алма-Ате, Воронеже, Краснодаре, Ярославле, Кургане, Нижнем Тагиле, Челябинске и др.

За короткий период времени российская историография сделала огромный шаг вперед. Целый ряд публикаций позволил не только сравняться с зарубежной гуманитаристикой, но и опередить ее по ряду направлений. Вполне очевидно, что глубокое исследование темы репрессий отечественными историками еще только начиналось, и перед ними стоял целый ряд проблем. Значительным было отставание в области методологии: вслед за зарубежными историками стало модным использование тоталитарной модели при объяснении истории СССР. Между тем за рубежом данный подход стал лишь одним из направлений в научных следованиях.

В 1991 г. начался второй период в развитии историографии политических репрессий против российских немцев. Немецкое национальное движение обрело организационную структуру и сформировало свои исследовательские центры. Произошло становление нового направления в отечественной историографии, связанное с изучением практики депортации, трудовой мобилизации, спецпоселения, истории и культуры российских немцев [Кириллов, 2014, с. 123].

Фундаментальное значение для анализа проблемы репрессий имела публикация собрания документов по истории сталинского Гулага. Во введении к 1-му тому редакция констатировала, что массовые репрессии «были в большинстве своем тщательно спланированными и централизованными акциями, обсужденными на самом высоком уровне Сталиным и Ежовым» [История сталинского Гулага, 2004, с.71].

Н. Верт предложил разделять репрессии против элиты и массовые операции, начавшиеся с августа 1937 г., поддержал концепцию О. В. Хлевнюка о борьбе с «пятой колонной» как главной причине «Большого террора» [История сталинского Гулага, 2004, с. 72–75].

Итогом российско-американского проекта по изучению ГУЛАГа явились коллективные труды, в центре внимания которых [Gregory, Lazarev, 2008; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда, 2008] – принудительный труд, его производительность и эффективность, методы повышения производительности. Издание 7-ми томного собрания документов по истории ГУЛАГа стало «революционным» прорывом в источниковедческом и теоретическом изучении проблемы принудительного труда [История сталинского Гулага, 2004, с. 24].

Вскоре вышло документальное издание, непосредственно посвященное механизму осуществления массовых операций «Большого террора» [Юнге, Бордюгов, Биннер, 2008]. Затем были подведены итоги международного исследовательского проекта [Сталинизм в советской провинции, 2009].

На новом этапе развития исследований появляется целый ряд историографических работ по проблеме Большого террора [Хаустов, Самуэльсон, 2009; Степанов, 2008; Кропачев, 2010, с.166–172].

История репрессивной политики достаточно популярна в историографии, ее описанию посвящены сотни работ. Изучены институциональные основы, законодательно-нормативная база и лагерная юстиция, формирование карательной системы и ГУЛАГа, этапы развития репрессивной политики, проведены подсчеты количества жертв репрессий [Кропачев, 2011].

Последовательное продвижение общества от разоблачения преступлений сталинского режима, критики советской модели государственного устройства, выявления в качестве основ тоталитарного государства институтов политических репрессий и принудительного труда, восстановления памяти о жертвах репрессий, анализа карательной системы ГУЛАГа на уровне ИТЛ и спецпоселения, изучения отдельных категорий репрессированных к анализу спецконтингента в целом, его роли в мобилизационной модели экономики – таков путь, пройденный исторической наукой России за короткий период времени.

3.4. Консервативный поворот в государственной политике исторической памяти 2000-х и перспектива развития исторического самосознания общества

Возвращаясь к периодизации историографического процесса, следует подчеркнуть, что есть основания для выделения нового этапа историографии по теме политических репрессий: с 2004-2006 гг. – по настоящее время. На этом этапе государство фактически свернуло работу по реабилитации граждан, произошло ужесточение архивной политики, окончательно исчез из повестки дня план восстановления государственности российских немцев. В 2004 г. вступил в силу новый Закон об архивном деле в Российской Федерации, а в 2006 г. последовал совместный приказ

Министерства культуры, МВД и ФСБ о порядке доступа к делам репрессированных. Эти акты наложили запрет исследователям на доступ к личным делам репрессированных на срок 75 лет [Закон об архивном деле, 2004].

В 2009 г. началось «архангельское дело», возбужденное против создателей Книг памяти по российским немцам – профессора Поморского университета М. Н. Супруна и полковника МВД А. В. Дударева [Дударев, 2016].

20 июня 2012 г. президентом РФ В. В. Путиным был подписан Закон «об иностранных агентах», а 04 июля 2014 г. он был дополнен законом, дающим право Минюсту РФ самому включать некоммерческие организации в реестр иностранных агентов. В ряды иностранных агентов внесен «Мемориал», который наиболее продуктивно занимается историей политических репрессий.

В 2016 г. последовал суд над правозащитником Ю. А. Дмитриевым, известным по поиску мест захоронений репрессированных в Карелии. Заметным стало усиление просталинских настроений в обществе и государственной политике. Таким образом, завершился период «архивной революции» и осложнилась работа исследователей по проблеме политических репрессий. Эти обстоятельства напрямую повлияли на работу профессиональных историков.

3.5. Историческое самосознание российского общества и политика исторической памяти

Историческая память общества складывается весьма сложным образом путем пересечения и амальгамы различных идеологических концепций, стереотипов восприятия прошлого, психологических установок, архетипов мышления, в условиях консервативной образовательной среды и государственной политики памяти.

В сложном соотношении понятий «новой мемориальной культуры» («социальная память», «коллективная память», «историческая память», «историческое сознание», «политика памяти», «культурная память», «коммуникативная память», «идентичность») и в процессе определения посттравматической идентичности, по нашему мнению, следует сделать главный акцент на категории «культурная память». Эта категория предполагает формирование новой идентичности путем взаимодействия наиболее рациональных элементов коллективного и индивидуального исторического сознания в рамках государственной политики покаяния.

Культура памяти определяет необходимость публичной реабилитации и преодоления разобщенности с другими народами на почве исторической памяти единого тоталитарного прошлого.

На рубеже XX-XXI вв. сформировалась «новая мемориальная культура», которая перешагнула европейские рамки. Процессы глобализации

ведут к тому, что моральное сообщество становится универсальным, всемирным; ценности, на которых оно строится, – права человека – также носят универсалистский характер. Ради ценности прав человека стало возможным изменить приоритеты государственной политики.

Ситуация в России еще далека от общеевропейской. В современной исторической политике наличествуют две противоборствующие тенденции: *политика самоутверждения*, как конструирование национальной идентичности исключительно на героике и чести; и *политика покаяния*. Вторая тенденция связана с такими конструкциями национальной памяти, которые допускают признание и осуждение репрессий, что позволяет интегрировать в национальную культуру памяти негативные эпизоды политической истории. Такое признание жертв собственной истории является новацией.

Как бы мы ни старались быть оптимистичными, в самоидентификации новых поколений одним из базовых оснований остается психологическая травма и ощущение жертвы советского прошлого, тем более что проблема полной реабилитации граждан по сию пору не решена.

Совершенно очевидно, что в обществе и государстве существуют разные представления о том, что достойно сохранения в исторической памяти народа. Одни делают упор на «великие подвиги народа», особенно в Великой Отечественной войне, верят в мудрость и рационализм Сталина; другие предлагают дать оценку разумности понесенных жертв, подчеркивают, что нужно помнить не только «о великих победах, но и о национальных трагедиях»; третьи пытаются полностью отказаться от какого бы то ни было позитивного советского прошлого.

Новая политика памяти в странах Прибалтики и Восточной Европы (создание музеев советской оккупации, снос памятников героям освобождения от фашизма, марши бывших карателей), драматичные события на Украине в 2014 г., вызвавшие политику санкций против России, пробудили к действию идеи борьбы с внутренним врагом, вновь обострили отношения с США и Европой. В этой ситуации оказались востребованы идеи о цивилизационной несовместимости Запада и Востока, особой миссии России в мире и оправданности борьбы с «пятой колонной».

Радикально изменившаяся ситуация повлияла на историческое самознание общества и на политику памяти. Попробуем «взвесить» негативные и позитивные факторы на пути работы с коллективной исторической памятью.

К первым можно отнести завершение архивной революции, принятие новой законодательной базы, затруднившей допуск к материалам о репрессиях, расширение срока секретности документов силовых ведомств, повышение рейтинга Сталина и его предвоенной политики, фиксируемое социологическими опросами, нарастающая враждебность в отношениях с

целым рядом государств, торможение незавершенного процесса реабилитации, поиски современной «пятой колонны».

Ко вторым – принятие государственной концепции увековечения памяти жертв репрессий, систематическая работа федеральной межведомственной группы по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции под председательством главы Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ), продолжающаяся исследовательская деятельность по изучению проблем сталинизма, общественные усилия по публичной реабилитации жертв политических репрессий через издание книг памяти, установление памятников и мемориальных знаков, формирование независимых электронных ресурсов, банков данных, содержащих сведения о персоналиях репрессированных. Недавно открыт общенациональный памятник – Стена скорби, создание которого поддержано первым лицом государства.

Проработка исторической памяти, связанной с тоталитарным прошлым процесс сложный и долговременный. Медленно, но верно идет этот процесс и в России. Можно согласиться с автором работы по проблемам политики памяти А. Миллером в том, что «Вся историческая идентичность держится на памяти о Великой отечественной войне. Это недопустимо мало и несправедливо. У России трудная, но великая история, полная крупных достижений, блистательных побед и масштабных трагедий. Их нужно вернуть в сознание людей, чтобы они ощущали себя ответственными наследниками прежних поколений» [Миллер А.И.]

4. Заключение

Анализ ситуации, сложившейся в процессе государственной и общественной реабилитации жертв советского прошлого показал ее сложность и неоднозначность. С одной стороны, реабилитационное законодательство 1990-х гг. открыло путь политике покаяния за репрессии, осуществленные в годы диктатуры коммунистической партии. Общественные настроения того времени активно способствовали проведению такой политики. Профессиональные историки в условиях развернувшейся «архивной революции» максимально интенсивно публиковали рассекреченные архивные источники по проблеме репрессий, вели напряженную и эффективную научную разработку этой проблемы, в тесном сотрудничестве с гражданским сообществом осуществляли деятельность по публичной реабилитации жертв политических репрессий. С другой стороны, представители властных структур российского государства в начале XXI столетия избрали в качестве приоритетного курс политики самоутверждения, воспользовавшись консервативными настроениями большинства российского социума, испытывающего ностальгию по величию СССР. В результате противоборства двух императивных политических концепций – по-

каения и самоутверждения, процесс проработки прошлого испытал определенный регресс и приостановился. Выходом из сложившейся ситуации может стать более гибкое сочетание вышеназванных политических курсов в интересах формирования новой культуры исторической памяти.

Список литературы

ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Под ред. Л.И. Бородкина, П. Грегори, О.В. Хлевнюка. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 320с. – Текст : непосредственный.

Доклад Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ об исполнении Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» в 2006–2008 гг. – Москва : [б. и.], 2009. – 24 с. – Текст : непосредственный.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 / Сост. В. П. Данилов и др.; Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. – Москва : Политиздат, 1989. – 525 с. – Текст : непосредственный.

Дударев, А. В. Дударев А. В. о «Деле историков» / А. В. Дударев. – Текст : электронный. – URL: <http://www.hro.org> (дата обращения: 16.02.2016).

Закон об архивном деле. – Текст : электронный. – URL: <http://www.rg.ru/2004/10/27/archiv-dok.html> (дата обращения: 15.01.2016).

Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. – Москва : Прогресс, 1991. – 618 с. – Текст : непосредственный;

Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. – Москва : Прогресс, 1992. – 520 с. – Текст : непосредственный.

История России: 1917–1940. Хрестоматия / Сост. В. А. Мазур и др.; под ред. М. Е. Главацкого. – Екатеринбург : [б. и.], 1993. – 368 с. – Текст : непосредственный.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-первая половина 1950-х годов. Сб. документов в 7 томах. – Москва : РОССПЭН, 2004–2007. – Текст : непосредственный.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. – Т. 3. Экономика Гулага. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 624 с. – Текст : непосредственный.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х-первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Отв. ред. Н. Верг, С. В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина. – Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 728 с. – Текст : непосредственный.

Кириллов, В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 50-х гг / В. М. Кириллов. – Т. 1. Репрессии 1920-

1930-х гг. – Нижний Тагил : УрГПУ–НТГСПИ, 1996. – 232 с. – Текст : непосредственный.

Кириллов, В. М. Историография проблем репрессивной политики против советских немцев в отечественной исторической науке / В. М. Кириллов. – Текст : непосредственный // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев. Материалы 14-й Международной научной конференции. Кисловодск, 25–29 сентября 2013 г. – Москва : МСНК-пресс, 2014. – С. 200–236.

Кропачев, С. А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг. / С. А. Кропачев. – Текст : непосредственный // Российская история. – 2010. – № 1. – С. 166–172.

Кропачев, С. А. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 годах : специальность : 07 00 09 «Историография, источниковедение» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Кропачев Сергей Александрович ; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2011. – 53 с. – Текст : непосредственный.

Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922—декабрь 1936 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – Москва : МФД, 2003. – 912 с. – Текст : непосредственный.

Миллер, А. И. Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и воспитания деятельного патриотизма / А. И. Миллер. – Текст : электронный. – URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vospit.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

Население России в 1920-1950-е годы: Численность, потери, миграции : Сборник научных трудов. Ред. кол.: Ю. Поляков и др. – Москва : ИРИ РАН, 1994. – 223 с. – Текст : непосредственный.

Неизвестная Россия. XX век : Архивы. Письма. Мемуары. В 4-х кн. / Сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. – Москва : Историческое наследие, 1992. – Текст : непосредственный.

Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 / С. А. Папков. – Новосибирск : Издательство Сибирского отделения РАН, 1997. – 221 с. – Текст : непосредственный.

Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 528 с. – Текст : непосредственный.

Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов / Сост.: И. В. Курилов, Н. Н. Михайлов, В. П. Наумов. Под общ. ред. А. Н. Яковлева – Москва : Политиздат, 1991. – 482 с. – Текст : непосредственный.

Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII – начало XX вв. Вып. 1 / Ред. С. Г. Блинов и др. – Москва : Студия ТРИТЭ, Российский архив, 1994. – 463 с. – Текст : непосредственный.

"Совершенно секретно": Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): в 10-ти т. – Москва : ИРИ РАН, 2001-2008. – Текст : непосредственный.

Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Москва : РОССПЭН, 1998—2012. – Текст : непосредственный.

Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. / Сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 519 с. – Текст : непосредственный.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930-весна 1931 г. / Отв. ред. В. Л. Данилов, С. А. Красильников. – Новосибирск : ВО «Наука», 1992. – 283 с. – Текст : непосредственный.

Спецпереселенцы в Западной Сибири: Весна 1931 – начало 1933 г. / Отв. ред. В. Л. Данилов, С. А. Красильников. – Новосибирск : ВО «Наука», 1993. – 341 с. – Текст : непосредственный.

Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – Москва : РОССПЭН ; Германский исторический институт в Москве, 2009. – 927 с. – Текст : непосредственный.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов / Сост. О. В. Хлевнюк и др. – Москва : АИРО, 1995. – 294 с. – Текст : непосредственный.

Степанов, М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.) / М. Г. Степанов. – Абакан : Бригантина, 2008. – 159 с. – Текст : непосредственный.

Указ Президента РФ от 7 ноября 1996 г. N 1537 «О Дне согласия и примирения». – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/136680/> (дата обращения: 15.11.2019).

Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 1 Федерального закона «О днях воинской славы (победных днях) России» от 29.12.2004 № 200-ФЗ. – Текст: электронный. – URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?id=2762802&gov_id=392 (дата обращения: 15.11.2019)

Хаустов, В. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 432 с. – Текст : непосредственный.

Хлевнюк, О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество /

О. В. Хлевнюк. – Москва : Республика, 1992. – 270 с. – Текст : непосредственный.

Хлевнюк, О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии / О. В. Хлевнюк. – Текст : непосредственный // Историческая наука и образование на рубеже веков. – Москва : Собрание, 2004. – С. 433–438.

Цаплин, В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы / В. В. Цаплин. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 175–181.

Чухин, И. И. Карелия-37: Идеология и практика террора / И. И. Чухин. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1994. – 161 с. – Текст : непосредственный .

Юнге, М. Вертикаль Большого террора / М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. – Москва : Новый хронограф, АИРО–XXI, 2008. – 620 с. – Текст : непосредственный.

The Economics of Force Labor. The Soviet Gulag / Ed. by P. R. Gregory and V. V. Lazarev. – Stanford : Hoover Institution Press, 2003. – 212 p.

Статья получена: 31.01.2022

Статья принята: 15.03.2022

"ARCHIVAL REVOLUTION" AND THE PROCESS OF REHABILITATION OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSION THROUGH THE EYES OF A CONTEMPORARY

V. M. Kirillov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
history_vmk@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of rehabilitation of victims of political repressions in the USSR. The relevance and novelty of the study lies in the study of the rehabilitation process based on the personal experience of a contemporary – an active participant in the work in the field of public rehabilitation of the repressed. The author's memoirs, legislative documents, collections of archival materials, memory books and research works of Russian historians were chosen as the main historical sources. Methodological tools are presented by modern theoretical approaches in the study of political and social history, methods of microhistorical research into of sources of personal origin, historical informatics based on the conceptual apparatus of rehabilitation legislation. The study showed that in the 1990s Russian society and the state supported the policy of repentance in relation to the Soviet past. This led to a positive development in the process of rehabilitation of victims of political repression and the formation of a new culture of memory. At the beginning of the XXI century. the vector of public sentiment changed under the influence of nostalgia for the imperial greatness of the USSR. The power

structures of the Russian state have chosen the course of the policy of self-affirmation as a priority. The process of working through the past experienced a certain regression and stopped.

Key words: historical self-consciousness, political censorship, new historical science, archival revolution, rehabilitation, political repressions, politics of historical memory, new culture of memory.

References

"*Sovershenno sekretno*": *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.): v 10-ti t. (2001-2008)*. ["Top secret": Lubyanka - to Stalin on the situation in the country (1922-1934): in 10 volumes]. Moscow: IRI RAN.

Berelovich, A., Danilov, V. (Eds.). (1998-2012). *Sovetskaya derevnya glazami VCHK—OGPU—NKVD. 1918—1939. Dokumenty i materialy. V 4-h t.* [The Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials. In 4 vol.]. Moscow: ROSSPEN.

Blinov, S. G., et al. (Eds.). (1994). *Rossijskij arhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVII – nachalo XX vv. Vyp. 1.* [Russian archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 17th - early 20th centuries. Issue. 1]. Moscow: Studiya TRITE, Rossijskij arhiv.

Borodkin, L. I., Gregori, P., Hlevnyuk, O. V. (Eds.). (2008). *GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda* [Gulag: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN.

Caplin, V. V. (1989). Statistika zhertv stalinizma v 30-e gody [Statistics of the victims of Stalinism in the 30s]. *Voprosy istorii*, 4, 175–181.

Chuhin, I. I. (1994). *Kareliya-37: Ideologiya i praktika terrora* [Karelia-37: Ideology and practice of terror]. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavod. gos. un-ta.

Danilov, V. P., Ivnickij, N. A. (Eds.) (1989). *Dokumenty svidetel'stvuyut: Iz istorii derevni nakanune i v hode kollektivizacii. 1927-1932* [Documents testify: From the history of the village on the eve and during collectivization. 1927-1932]. Moscow: Politizdat.

Danilov, V.P., Krasil'nikov, S.A. (Eds.). (1992). *Specpereselency v Zapadnoj Sibiri: 1930-vesna 1931 g.* [Special settlers in Western Siberia. 1930-Spring 1931]. Novosibirsk: VO «Nauka».

Danilov, V.P., Krasil'nikov, S.A. (Eds.). (1993). *Specpereselency v Zapadnoj Sibiri: Vesna 1931 – nachalo 1933 g.* [Special settlers in Western Siberia: Spring 1931 - early 1933]. Novosibirsk: VO «Nauka».

Doklad Komissii po rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij pri Prezidente RF ob ispolnenii Zakona «O rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij» v 2006-2008 gg. (2009) [Report of the Commission for the Rehabilitation of Victims of Political Repressions under the President of the Russian Federation on the implementation of the Law "On the Rehabilitation of Victims of Political Repressions" in 2006-2008]. Moscow: n.d.

Dudarev, A. V. *Dudarev A. V. o «Dele istorikov»* [Dudarev A. V. about the “Case of Historians”]. Retrieved from: <http://www.hro.org>, 17/11/2010.

Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v st.1 Federal'nogo zakona «O dnyah voinskoj slavy (pobednyh dnyah) Rossii» ot 29.12.2004 № 200-FZ [Federal Law “On Amendments to Article 1 of the Federal Law “On the Days of Military Glory (Victory Days) of Russia” dated December 29, 2004 No. 200-FZ]. Retrieved from http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?id=2762802&gov_id=392

Glavackij, M. E. (Eds.). (1993). *Istoriya Rossii: 1917-1940*. [History of Russia: 1917-1940. Reader]. Ekaterinburg : n. d.

Gregory, P. R., Lazarev, V. V. (Eds.). (2003). *The Economics of Force Labor. The Soviet Gulag*. Stanford: Hoover Institution Press.

Haustov, V., Samuel'son, L. (2009). *Stalin, NKVD i repressii 1936-1938 gg.* [Stalin, the NKVD and the repressions of 1936-1938]. Moscow: ROSSPEN.

Hlevnyuk, O. V. (Ed.). (2004). *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: T.3. Ekonomika Gulaga* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s - the first half of the 1950s: V.3. Economy of the Gulag]. Moscow: ROSSPEN.

Hlevnyuk, O.V. (1992). *1937-j: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet society]. Moscow: Respublika.

Hlevnyuk, O.V. (2004). «Bol'shoj terror» 1937–1938 gg. kak problema nauchnoj istoriografii [“Great Terror” 1937–1938 as a problem of scientific historiography]. In *Istoricheskaya nauka i obrazovanie na rubezhe vekov* (pp. 433–438). Moscow: Sobranie.

Hlevnyuk, O.V., et al. (Eds.). (1995). *Stalinskoe Politbyuro v 30-e gody. Sb. Dokumentov*. [Stalin's Politburo in the 1930s. Sat. Documents]. Moscow: AIRO.

Istoriya stalinskogo GULAGa. Konec 1920-pervaya polovina 1950-h godov. Sb. dokumentov v 7 tomah. (2004–2007). [History of Stalin's Gulag. Late 1920s-first half of the 1950s. Sat. documents in 7 volumes]. Moscow: ROSSPEN.

Kirillov, V. M. (1996). *Istoriya repressij v Nizhnetagil'skom regione Urala, 1920-e — nachalo 50-h gg. T. 1. Repressii 1920-1930-h gg.* [The history of repressions in the Nizhny Tagil region of the Urals, 1920s – early 50s. Vol. 1. Repressions of the 1920-1930s.]. Nizhny Tagil: UrGPU – NTGSPi.

Kirillov, V. M. (2014). Istoriografiya problem repressivnoj politiki protiv sovetskih nemcev v otechestvennoj istoricheskoy nauke [Historiography of the problems of repressive policy against the Soviet Germans in Russian historical science]. In *Dva s polovinoj veka s Rossiej: aktual'nye problemy i diskussionnye voprosy istorii i istoriografii rossijskih nemcev* (pp. 200–236). Moscow: MSNKpress.

Kozlov, V.A., Zav'yalov, S.M. (Eds.). (1992). *Neizvestnaya Rossiya. XX vek : Arhivy. Pis'ma. Memuary. V 4-h kn.* [Unknown Russia. XX century: Archives. Letters. Memoirs. In 4 books]. Moscow: Istoricheskoe nasledie.

Kropachev, S. A. (2010). Novejshaya otechestvennaya istoriografiya o masshtabah politicheskikh repressij v 1937–1938 gg. [The latest domestic historiography on the scale of political repressions in 1937–1938]. *Rossijskaya istoriya*, 1, 166–172.

Kropachev, S. A. (2011). Otechestvennaya istoriografiya masshtabov i form repressij i demograficheskikh poter' SSSR v 1937–1945 godah [Domestic historiography of the scale and forms of repression and demographic losses of the USSR in 1937–1945]. [Doctoral dissertation, Adygejskij gosudarstvennyj universitet].

Kvashonkin, L.P., et al. (Eds.). (1999). *Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928-1941 gg.* [Soviet leadership. Correspondence. 1928-1941]. Moscow: ROSSPEN.

Livshin, A. Ya., et al. (Eds.). (2002). *Pis'ma vo vlast'. 1928-1939. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdyam* [Letters to the government. 1928-1939. Statements, complaints, denunciations, letters to government agencies and Soviet leaders]. Moscow: ROSSPEN.

Miller, A. I. *Politika istoricheskoy pamyati kak osnova formirovaniya kolektivnoj identichnosti i vospitaniya deyatel'nogo patriotizma* [The policy of historical memory as the basis for the formation of collective identity and the education of active patriotism]. Retrieved from http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vospit.pdf.

Papkov, S.A. (1997). *Stalinskij terror v Sibiri. 1928-1941* [Stalinist terror in Siberia. 1928-1941]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN.

Polyakov, Yu. et al. (Eds.). (1994). *Naselenie Rossii v 1920-1950-e gody: Chislennost', poteri, migracii* [Population of Russia in the 1920s-1950s: Numbers, Losses, Migration]. Moscow: IRI RAN.

Stepanov, M. G. (2008). *Rossijskaya istoriografiya «Bol'shogo terrora» v SSSR (1937–1938 gg.)* [Russian historiography of the "Great Terror" in the USSR (1937–1938)]. Abakan: Brigantina.

Ukaz Prezidenta RF ot 7 noyabrya 1996 g. N 1537 «O Dne soglasiya i primireniya» [Decree of the President of the Russian Federation of November 7, 1996 N 1537 "On the Day of Consent and Reconciliation"]. Retrieved from <https://base.garant.ru/136680/>.

Vert, N., Mironenko, S. V. (Eds.). (2004). *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h-pervaya polovina 1950-h godov: T.I. Massovy repressii v SSSR* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s - the first half of the 1950s: V.1. Mass repressions in the USSR]. Moscow: ROSSPEN.

Yakovlev, A. N. (Ed.). (1991). *Reabilitaciya. Politicheskie processy 30-50-h godov* [Rehabilitation. Political processes of the 30-50s]. Moscow: Politizdat.

Yakovlev, A. N. (Eds.). (2003). *Lubyanka. Stalin i VCHK—GPU—OGPU—NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. YAnvar' 1922—dekabr' 1936* [Lubyanka. Stalin and VChK-GPU-OGPU-NKVD. Stalin's archive. Documents of the highest bodies of party and state power. January 1922—December 1936]. Moscow: MFD.

Yunge, M., Bonvech, B., Binner, R. (Eds.). (2009). *Stalinizm v sovetskoj provincii: 1937-1938 gg. Massovaya operaciya na osnove prikaza № 00447* [Stalinism in the Soviet provinces: 1937-1938 Mass operation based on order No. 00447]. Moscow: ROSSPEN; Germanskij istoricheskij institut v Moskve.

Yunge, M., Bordyugov, G., Binner, R. (2008). *Vertikal' Bol'shogo terrora* [Vertical of the Great Terror]. Moscow: Novyj hronograf, AIRO–HKHI.

Zakon ob arkhivnom dele [Archival Law]. Retrieved from: URL: <http://www.rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok.html>.

Zven'ya: Istoricheskij al'manah. Vyp. 1 (1991). [Links: Historical almanac. Issue. 1]. Moscow: Progress; *Zven'ya: Istoricheskij al'manah*. Vyp. 2. (1992). [Links: Historical almanac. Issue. 2]. Moscow: Progress.

Submitted: 31.01.2022

Accepted: 15.03.2022

УДК 94(100)"1914/19"

ГОСПИТАЛИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ И НИЖНЕГО ТАГИЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. А. Пермяков

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя
общеобразовательная школа № 138
Нижний Тагил, Россия
alexey-permyakov@rambler.ru

С. А. Потапов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Рос-
сийского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
sergey.potapov.2011@bk.ru

Аннотация. Цель статьи – представить картину организации и функционирования тыловых госпиталей в Пермской губернии и в Нижнетагильском заводском посёлке в годы Первой мировой войны. В качестве источников использованы материалы Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, электронная база данных «Памяти героев Великой войны», а также фотоматериалы и материалы научных публикаций. В статье рассматривается деятельность властей и общественных организаций по оказанию помощи и обеспечению функционирования тыловых госпиталей в Пермской губернии и, в частности, в Нижнем Тагиле. Благодаря использованию фотоматериалов из коллекции краеведа Н. А. Щекотова устанавливаются личности и биографические сведения некоторых раненых, проходивших лечение. На основе собранного материала отмечается, что госпитали Нижнетагильского заводского посёлка внесли большой вклад в решение проблемы расширения помощи раненым в годы войны, Нижний Тагил был одним из центров этой работы в Пермской губернии.

Ключевые слова: Первая мировая война, Пермская губерния, Нижний Тагил, госпитали, помощь раненым.

1. Введение

Начало Первой мировой войны полностью изменило жизнь подавляющего большинства населения Российской империи. Только на фронт за время войны было мобилизовано 15,5 млн человек. Невиданными по своим масштабам были санитарные потери (раненые и заболевшие) русской армии: военнслужащих, нуждавшихся в продолжительном лечении и эвакуированных в госпитали, учтено с начала войны до сентября 1917г. по официальной статистике 5 148 тыс. человек; из них раненых 2 844

тыс. и заболевших 2 304 тыс. [Россия в мировой войне, 1925, с. 4 – 5, 25]. При этом реальные санитарные потери следует увеличить минимум в полтора раза за счет тех офицеров и солдат, которые не попали в специализированные медицинские учреждения и лечились по месту службы.

С первых недель войны осознается необходимость максимального развития системы помощи раненым воинам, а также их семьям, вдовам, сиротам. Власть довольно быстро понимает необходимость привлечения к решению этой важнейшей задачи максимально широкие круги общества. Самое активное участие в ней принимали различные общественные организации: Всероссийское общество Красного Креста, Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз. Разворачивается массовое движение по сбору пожертвований частных лиц в помощь раненым и беженцам.

С началом Первой мировой войны и в тыловой Пермской губернии, в том числе в Нижнем Тагиле, была развернута деятельность по организации госпиталей, сыгравших заметную роль в годы войны.

Исследование проблем организации помощи раненым в годы Первой мировой войны привлекает серьезное внимание современных исследователей [Букалова, 2020; Казаковцев, 2007; Прокопец, 2015; Сыроегина, 2018; Чумакова, 2020]. Вместе с тем остается недостаточно изученным вопрос о роли Пермской губернии в целом и Нижнего Тагила в частности в организации и функционировании тыловых госпиталей в данный период.

2. Материал и методика исследования

Основными источниками для анализа деятельности госпиталей Пермской губернии и Нижнего Тагила в годы Первой мировой войны являются архивные документы государственных и общественных организаций тех лет, собранные в различных публикациях и базах данных. Помимо документальных материалов большое значение имеют материалы личного происхождения, которые дополняют официальную информацию и вносят в нее важные штрихи воспоминаний очевидцев и участников событий того времени. Это особенно важно при анализе краеведческого материала, который часто позволяет увидеть важные страницы истории нашей страны с другой, непривычной точки зрения. При этом привлечение фотоматериалов, которые использованы в статье, дает возможность в какой-то степени визуализировать давно ушедшее время и выйти на антропологический уровень анализа исторических событий и процессов.

В основе методологии данной работы лежат принципы объективности и историзма, т.е. анализ тех или иных событий и явлений как феноменов конкретной исторической эпохи. В исследовании использовались традиционные методы исторической науки: проблемно-хронологический, историко-сравнительный, метод комплексного анализа источников.

3. Анализ

В Пермской губернии функционировали филиалы Всероссийского общества Красного Креста: Пермское и Кунгурское местные управления, Екатеринбургский и Нижнетагильский местные комитеты, а также уездные комитеты. Направления их деятельности были различны. Например, Екатеринбургский комитет общества Красного Креста открыл лазарет на 20 коек при местной общине сестер милосердия и отправил в действующую армию 2 этапных лазарета. Деятельность Осинского уездного комитета заключалась, по большей части, в сборе пожертвований, приобретении материалов и организации пошива белья для раненых воинов [Кайдышева, 2015, с. 102].

В 1914 г. Пермская губерния присоединилась к Всероссийскому союзу городов. Городские управы выделили большие суммы в фонд этой организации. Губернию представляли в союзе 8 городов: Пермь, Екатеринбург, Верхотурье, Чердынь, Оханск, Оса, Ирбит, Шадринск. При содействии комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам в губернии открывались лазареты. В Пермской губернии они были развёрнуты в Перми, Екатеринбурге, Шадринске, Камышлове. Кроме развёртывания госпиталей, Всероссийский союз городов организовывал на железнодорожных станциях питательные пункты для эвакуируемых раненых. На 1 декабря 1915 г. в Пермской губернии такие пункты были развёрнуты в Перми, Кунгуре, Шалях, Екатеринбурге [Всероссийский союз городов].

Созданный в том же 1914 г. Всероссийский земский союз также развернул масштабную деятельность по организации медицинской помощи раненым воинам. Пермский Губернский комитет Всероссийского земского союза занимался оборудованием лазаретов, вел учет числа кроватей, медицинского персонала во всех лазаретах, действовавших в губернии, аккумулировал денежные и другие средства, распределяя их по госпиталям. 31 августа 1914 г. от Главного Комитета Всероссийского земского союза поступило требование оборудовать в кратчайшие сроки в Пермской губернии 9000 коек. Койки были разделены на три разряда: чисто «госпитальные» – для тяжелораненых; «госпитально-патронажные» – для раненых, не нуждавшихся в сложных операциях и для трудных терапевтических больных; «патронажные» давали приют и пропитание уже почти оправившимся от ран воинам [Баженова, 2009, с. 77 – 78].

На 1 января 1915 г. в Пермской губернии было создано 94 лазарета на 5 тыс. 960 кроватей. К 1 июня 1915 г. число лазаретов сократилось до 79; из них 53 лазарета содержались за счет Всероссийского земского союза, 5 лазаретов – за счет Всероссийского союза городов, 18 – за счет частных лиц и учреждений, и 3 лазарета – за счет Российского Общества Красного Креста. На 1 января 1915 г. 5 тыс. 84 кровати в лазаретах были оборудованы

за счет Земского союза, 223 кровати – за счет Союза городов, и 650 кроватей – за счет жертвователей [Баженова, 2009, с. 80].

К 1 января 1916 г. на оборудование и содержание лазаретов в Пермской губернии Всероссийским земским союзом был израсходован 1 млн 77 тыс. 215 р.; с 24 июля 1914 г. по 1 января 1916 г. в распоряжение комитета на содержание «именных коек» от частных лиц поступило 22 тыс. 806 р. 52 к. За этот же период комитетом было собрано других пожертвований 147 тыс. 460 р. С 3 сентября 1914 г. по 1 января 1915 г. число раненых и больных воинов, содержащихся в лазаретах Пермского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам составляло 6236; выбыло из лазаретов 2182, из них в действующую армию 820 – 38 %, в команду выздоравливающих 436 – 20 %, в отпуск 425 – 19,4 %, в отставку 452 – 20,5 %, в нестроевые 13 – 0,5 %, в военный лазарет 31 – 1,5 %, умерло 4 – 0,1 % [Баженова, 2009, с. 81]

Общественность Перми активно включилась в совместную с Пермским губернским комитетом Всероссийского земского союза работу по оказанию помощи больным и раненым. Учебные заведения города предоставили часть своих помещений для размещения лазаретов; при этом учебные занятия продолжались и были организованы в две смены. Так поступили Мариинская женская гимназия, реальное училище, обе мужских гимназии Александра I, духовная семинария, духовное училище, епархиальное училище, железнодорожное техническое училище, торговая школа, учебная мастерская на Слудке, училище слепых, женская семинария, Суслинское училище, Кирилло-Мефодиевское училище. Затем уступили свои помещения Казенная палата, Вдовый дом имени И. И. Любимова, дом Г. Кукаретина и частные квартиры. Всего в Перми для размещения больных и раненых воинов было предоставлено 37 помещений.

Во многих городах Пермской губернии при управах создавались дамские кружки и комитеты. Один из таких комитетов был образован при Губернской управе в Перми под председательством супруги покойного председателя управы Н. И. Мухлыниной. Комитет в том числе изготавливал госпитальное белье и теплую одежду для больных и раненых воинов. В период с 16 октября 1914 г. по 1 февраля 1915 г. силами членов комитета было изготовлено 13 тыс. 204 предмета. Из пожертвованных и изготовленных комитетом предметов белья и одежды сформированы 7 тыс. 207 комплектов; часть комплектов была передана в распоряжение Центрального склада по снабжению выходящих из лазаретов воинов, часть – выписавшимся из лазаретов раненым воинам [Баженова, 2009, с. 78].

Частные лица и организации также помогали в деле попечения о больных и раненых: открывали лазареты, оборудовали и содержали отдельные кровати, предоставляли лазаретную мебель и помещения, изготавливали лазаретное бельё, бесплатно работали в медучреждениях. В Перми помещения под лазареты были предоставлены во вдовьем доме

имени И. И. Любимова, в доме Кукаретина, 300 кроватей у себя в квартирах было предложено со стороны частных лиц. В городские думы Перми и Екатеринбург с начала войны стали поступать заявления о желании организовать лазарет для больных и раненых воинов от частных лиц. К июню 1916 г. в Екатеринбурге действовало 16 общественных и частных лазаретов. Сестрами милосердия в них по всей губернии работали обычные горожанки, крестьянки, многие из которых не брали платы за свой труд [Поршнева, 2018, с. 301].

Кроме Перми и Екатеринбургa, ещё одним крупным населённым пунктом Пермской губернии в период Первой мировой войны был Нижний Тагил (тогда официально «заводской посёлок»). На 1909 год его население составляло 34700 человек, уступая в губернии только Перми и Екатеринбургу. В посёлке работали около 40 промышленных предприятий и около 300 торговых заведений.

С началом Первой мировой войны, несмотря на значительную удалённость от фронта, в Нижнем Тагиле было подготовлено девять зданий для приёма и размещения раненых военнослужащих. Согласно Списку госпиталей, состоящих на учете Всероссийского земского союза, на 1-ое июня 1915 года в Нижнем Тагиле были организованы: Авроринский лазарет (в здании Авроринского приюта) на 300 коек; Выйский лазарет (в здании Выйского Земского 2-х классного училища) на 220 коек; Нижнетагильский лазарет (в здании Железнодорожного училища) на 80 коек; Нижнетагильский лазарет (в здании казенного винного склада) на 76 коек; Нижнетагильский лазарет (в здании местного комитета Российского Общества Красного Креста) на 45 коек; Нижнетагильский лазарет (в здании учебно-показательных земских мастерских) на 30 коек; Свято-Троицкий лазарет при Свято-Троицкой единоверческой церкви на 14 коек; в Нижнетагильской Заводской больнице для раненых было выделено 5 коек, итого — 770 коек [Список госпиталей, 1915]. Кроме того, сотрудник Нижнетагильского музея-заповедника краевед Н. А. Щекотов указывает, что в Нижнетагильской Земской больнице было выделены неизвестное количество коек для раненых [Щекотов]. Н. Н. Кайдышева отмечает, что пять лазаретов были организованы Всероссийским земским союзом, 1 – местным отделом Красного Креста, 2 – Верхотурским земством, и 1 лазарет был открыт и полностью содержался на средства местного населения, при этом и в других лазаретах Нижнего Тагила отдельные кровати содержались за счет частных лиц [Кайдышева, 2015, с. 104].

По сведениям Н. А. Щекотова, за неполный 1915 г. с марта по ноябрь включительно, 3566 раненых русских воинов было размещено в Нижнем Тагиле, при этом весь персонал всех лазаретов составлял 5 врачей (некоторые были закреплены за двумя лазаретами или больницами), 5 фельдшеров и 16 сестер милосердия. При этом, как отмечает О. С. Поршнева, сёстрами милосердия в них работали обычные горожанки,

крестьянки, многие из которых не брали платы за свой труд. Так, из пяти сестёр милосердия, работавших в Авроринском лазарете, две трудились бесплатно [Поршнева, 2018, с. 301].

Авроринский лазарет был открыт в здании Авроринского детского приюта. Само строение было построено по приказу Авроры Карловны Демидовой-Карамзиной в 1853 г. В начале XX века в Авроринском приюте размещались подразделения 11-го пехотного Псковского полка, а в 1910–1913 гг. — 3-й батальон 195-го пехотного Оровайского полка.

Выйский лазарет был открыт в здании Выйского Земского 2-х классного училища, построенного в 1910 году Верхотурской уездной земской управой на собственные средства и при активной поддержке тагильских купцов и ремесленников.

Лазарет при Железнодорожном училище открылся 12 октября 1914г., и это уже было второе учреждение подобного типа, открытое Всероссийским земским союзом в Нижнем Тагиле. Здание Училища находилось неподалеку от здания современного автовокзала (ныне ул. Кушвинская, дом № 1), учениками были дети работников Пермской железной дороги (тех, кто жил в Нижнем Тагиле и вдоль всей линии железной дороги от ст. Баранча до Невьянска). Перед Первой мировой войной, в 1913 г., было построено новое деревянное здание под железнодорожную прогимназию, но учиться в нем детям не пришлось: именно оно было отдано под лазарет. На открытии лазарета с речами выступил председатель верхотурской земской управы И. Я. Черемных, а молебен по случаю открытия отслужил священник С. Н. Хлынов. Его заведующим стал врач М. Н. Нардов, а фельдшером Д. П. Дормидонтов. Первый поезд с ранеными прибыл 27 ноября, он привез в Тагил 334 человека, 90 из них разместили в Лазарете при железнодорожном училище. В Лазарете в тот период работали две сестры милосердия: Соколова Антонина Иосифовна (дочь мещанина г. Соликамска) и Надежда Васильевна Агеева (Осипова) (крестьянка, жительница Нижнетагильского заводского посёлка) [Щекотов].

Места размещения лазаретов были выбраны правильно. Это были большие каменные здания, немногочисленные в преимущественно одноэтажном деревянном «нижнетагильском заводском поселке» — Авроринский лазарет (в здании Авроринского приюта); Выйский лазарет (в здании Выйского Земского 2-х классного училища); Нижнетагильский лазарет (в здании учебно-показательных земских мастерских); Свято-Троицкий лазарет при Свято-Троицкой единоверческой церкви. Почти все здания находились близко от железнодорожной станции, что было особенно важно при транспортировке раненых: Нижнетагильский лазарет (в здании Железнодорожного училища) — 1/2 версты; Нижнетагильский лазарет (в здании казенного винного склада) — 3/4 версты [Список госпиталей, 1915]. Также места для коек были созданы на базе уже имеющихся учреждений

здравоохранения: Нижнетагильский лазарет (в здании местного комитета Российского Общества Красного Креста); Нижнетагильская Заводская больница; Нижнетагильская Земская больница.

За цифрами и общими данными не надо забывать о судьбах конкретных людей, жизнь которых изменила Первая мировая война. В 2018 г. Н. А. Щекотов получил от потомков сестры милосердия Надежды Васильевны Агеевой (Осиповой) (фото 12) тринадцать фотографий, подаренных ей на память благодарными за заботу пациентами. На четырёх фотографиях вместе с солдатами сфотографирована и сама Нина Андреевна; две групповые фотографии, предположительно, были сделаны на фоне здания Нижнетагильского лазарета при железнодорожном училище; четыре фотографии подписаны с обратной стороны.

Для получения информации об изображенных на фотографиях раненых первоначально был сделан их внешний анализ. Было установлено, что у одного солдата на снимке есть знак «За отличную стрельбу», другой служил в гренадерах, на что указывает бляха гренадерского полка (фото 1). Еще на одной фотографии на погоне солдата можно разобрать шифровку «5 Лат.», что указывает на то, что раненный служил в 5-м Латышском стрелковом Земгальском полку и, следовательно, фотография была сделана после 4 ноября 1916 г. В этот день все латышские стрелковые батальоны были объединены в стрелковые полки (получившие такие шифровки на погоны) и сведены в Латышскую стрелковую дивизию (фото 2).

На следующей фотографии справа изображен младший унтер-офицер (две узких лычки), слева – фельдфебель (одна широкая лычка); у бойца слева шифровка на погоне позволяет предположить, что он проходил службу в 157-м пехотном Имеретинском полку (фото 3).

На подписанной фотографии две узкие лычки на погонах и нарукавная повязка с красным крестом у мужчины слева указывают на то, что он является младшим унтер-офицером, санитаром (фото 10). Ещё на одной фотографии две узкие лычки на погонах у мужчины слева позволяет предположить, что он является младшим унтер-офицером (фото 4). На другой фотографии у мужчины по центру видна бляха гренадерского полка (фото 5).

Групповую фотографию на фоне Нижнетагильского железнодорожного лазарета подробно изучил Н. А. Щекотов. Он отмечает, что в последнем ряду пятая слева Осипова Надежда Васильевна. И так как в Лазарете при Железнодорожном училище всего было 2 сестры милосердия, то слева от нее третья слева – Соколова Антонина Иосифовна – дочь мещанина г. Соликамска, вторая сестра лазарета. В среднем ряду сидит мужчина с балалайкой, а справа от него еще одна женщина. Даже если она и относится к персоналу лазарета, то вряд ли является сестрой милосердия. Вполне возможно, что фотография сделана после Февральской революции 1917 г.: бляха на ремне первого солдата слева в первом ряду перевернута

«вверх ногами» (фото 6). Как уже было сказано выше, четыре фотографии были подписаны, всего на них запечатлены семь солдат [Щекотов].

Для уточнения их биографических данных совместно с выпускницей МБОУ СОШ № 138 Ю. А. Денисенко была использована электронная база данных «Памяти героев Великой войны» [Памяти героев Великой войны]. В фильтрах поиска мы указывали:

1. «Ф.И.О.» (в случае если имя или отчество не были указаны или совпадения не были найдены поиск производился только по фамилии);
2. «Потери» (ранен/контузен, болен);
3. «Источники информации» (именные списки потерь, картотека потерь).

В отдельных случаях для уточнения информации также выяснялись:

1. воинская часть;
2. место события (т.е. место, где был ранен, или откуда прибыл для поиска однополчан);
3. дата начала и окончания события (т.е. примерный период, когда он мог поступить в госпиталь, в случае если искали однополчан).

В результате поиска было выдано множество совпадений, а именно:

- Конаков Степан Егорович (Канаков Степан Егорович) – 7 совпадений;
- Гриценко Иларион Онуфриевич (Гриценко Ларион Ануфриевич) – 8 совпадений;
- Осипов Дмитрий (Осипов Дмитрий Сергеевич) – 330 совпадений;
- Созинов Василий (Созанов Василий Иванович) – 79 совпадений;
- Лепешкин Иван (Лепешкин Иван Матвеевич) – 219 совпадений;
- Куликов Иван (не найден) – 1887 совпадений;
- Перельгин А.Н. (не найден) – 4 совпадения.

Как можно заметить, в именах и фамилиях имелись несоответствия. Вполне можно предположить, что это связано с малограмотностью военных делопроизводителей-писарей, которая в итоге привела к ошибкам.

На представленных фотографиях в большинстве случаев запечатлено два человека, и если находили одного из них, то второго искали среди его однополчан, прибывших примерно в то же время. Есть высокая вероятность того, что если они были сфотографированы вместе, значит служили в одном полку.

Итак, в результате поиска и анализа базы данных удалось найти и установить биографические данные пяти из семи русских воинов-участников Первой мировой войны, проходивших лечение в Нижнетагильском лазарете при железнодорожном училище. Приводим их список.

1. Конаков Степан Егорьевич (Канаков Степан Егорович), рядовой, 38-го Сибирского стрелкового полка 10-й Сибирской стрелковой дивизии 4-го Сибирского корпуса, ранен 13.02.1915 г. в бою у д. Кержек. (фото 7).

2. Гриценко Иларион Онуфриевич (Гриценко Ларион Ануфриевич), рядовой, 38-го Сибирского стрелкового полка 10-й Сибирской стрелковой дивизии 4-го Сибирского корпуса, уроженец Амурской обл., Благовещенского уезда, Езейской волости, н.п. Махайловки, 23 года, женат, православный, грамотный, земледелец. Ранен 13.02.1915 г. в бою у д. Кержек, характер ранения — огнестрельная пулевая рана предплечья правой руки, прибыл в Нижнетагильский лазарет при железнодорожном училище из Петрограда 24.02.1915 г. (фото 7). Такие подробные сведения получены из прикрепленного к базе данных Уведомления о приёме раненого или больного поступившего с театра военных действия (фото 8) [Памяти героев Великой войны], а подробное описание характера ранения позволило установить, кто из запечатлённых на фото солдат Конаков, а кто Гриценко.

3. Осипов Дмитрий (Осипов Дмитрий Сергеевич), рядовой, 166-го пехотного Ровенского полка 42-й пехотной дивизии 9-го армейского корпуса, уроженец Московской губернии, Браницкого уезда, Ивановской волости., с Душино, выбыл 20.06.1916 г., д. Скробово, перевязочный отряд 42-1 пехотной дивизии (фото 9).

4. Созинов Василий (Созанов Василий Иванович), рядовой, 166-го пехотного Ровенского полка 42-й пехотной дивизии 9-го армейского корпуса, уроженец Томской губернии, Зырянской волости, с. Окуневского, выбыл 01.07.1916 г., д. Скробово, перевязочный отряд 42-й пехотной дивизии (фото 9).

5. Лепешкин Иван (Лепешкин Иван Матвеевич), рядовой 119-го пехотного Коломенского полка 30-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса, уроженец Московской губернии, Клинского уезда, 19 лет, холост, православный, неграмотный, хлебопашец. Обморожен 15.11.1915 г. за Двинском, характер заболевания — обморожение стоп обеих ног, прибыл в Нижнетагильский лазарет при железнодорожном училище, из Петрограда 02.12.1915 г. (фото 10). Подробные сведения также получены из прикрепленного к базе данных Уведомления о приёме раненого или больного поступившего с театра военных действия (фото 11) [Памяти героев Великой войны].

4. Заключение

Благодаря самоотверженной работе участников Российского Общества Красного Креста, Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, частных лиц на территории Пермской губернии были развернуты тыловые госпитали для приёма раненых, налажена масштабная работа по сбору перевязочного материала и госпитальной одежды.

Несмотря на свою удалённость от линии фронта, Нижнетагильский заводской посёлок стал сравнительно крупным центром размещения раненных русских воинов Первой мировой войны. Расширить и визуализировать информацию о деятельности нижнетагильских госпиталей

в 1914–1917 гг. позволяют сохранившиеся уникальные фотоматериалы тех лет.

Всего в 8 лазаретах и больницах Нижнетагильского заводского посёлка для раненых воинов было предусмотрено 770 коек [Список госпиталей], а также неизвестное количество коек в Нижнетагильской Земской больнице. Много это или мало? К примеру, в главном городе губернии - в Перми (вместе с Мотовилихой) было открыто 24 лазарета на 2315 коек, а в уездном Екатеринбурге (вместе с Верх-Исетским заводом) — 5 лазаретов на 525 коек [Список госпиталей].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что по крайней мере с первой половины 1915 г. и до лета 1917г. Нижнетагильский заводской посёлок стал крупным госпитальным центром, внесшим большой вклад в организацию помощи раненым солдатам.

Список литературы

Баженова, К. Е. Деятельность Пермского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам в годы первой мировой войны / К. Е. Баженова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 23 (161). – История. Вып. 33. – С. 77–84.

Букалова, С. В. Раненые в повседневной жизни провинциального города в годы Первой мировой войны (на материалах Центрального Черноземья) / С. В. Букалова. – Текст : непосредственный // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 4. – С. 110–120.

Всероссийский союз городов. Очерк деятельности Всероссийского союза городов 1914–1915 гг. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14272-vserossiyskiy-soyuz-gorodov-ocherk-deyatelnosti-vserossiyskogo-soyuza-gorodov-1914-1915-g-m-1916#mode/flipbook/page/56/zoom/5> (дата обращения: 02.02.2022). – Текст: электронный.

Казаковцев, С. В. Организация госпиталей и лазаретов в Вятской губернии во время Первой мировой войны / С. В. Казаковцев. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2007. – № 9. – С. 137–140.

Кайдышева, Н. Н. Организация помощи больным и раненым воинам в Пермской губернии в годы Первой мировой войны / Н. Н. Кайдышева. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №2 (357). – История. Вып. 62. – С.101–107.

Памяти героев Великой войны. Электронная база данных. – URL: <https://gwar.mil.ru/heroes> (дата обращения: 02.02.2022). – Текст : электронный.

Поршнева, О. С. Организация сервисного обслуживания больных и раненых воинов в госпиталях Всероссийского земского союза в 1914 – начале 1917 г. (на материалах Пермской губернии) / О. С. Поршнева. –

Текст : непосредственный // История Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20, №3(2). – С. 299–304.

Прокопец, О. Н. Тульские военные госпитали и лазареты в годы Первой мировой войны / О. Н. Прокопец. – Текст : непосредственный // Тульский краеведческий альманах. – 2015. – № 12. – С. 68–82.

Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах) / б. а. – Москва : ЦСУ, 1925. – 104 с. – Текст : непосредственный.

Список госпиталей, состоящих на учете Всероссийского земского союза (на 1-ое июня 1915 года). – URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/14140> (дата обращения: 02.02.2022). – Текст : электронный.

Сыроегина, Ю. В. Организация и устройство лазаретов и госпиталей на территории Рязанской губернии в годы Первой мировой войны / Ю. В. Сыроегина. – Текст : непосредственный // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2018. – № 3 (60). – С. 45–53.

Чумакова, А. С. Организация госпиталей в Симбирске в годы Первой мировой войны / А. С. Чумакова. – Текст : непосредственный // Власть. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 230–236.

Щекотов, Н. А. Тагил фото. Фотографии из личного архива Н. А. Щекотова. – URL: <https://vk.com/tagilfoto> (дата обращения: 02.02.2022). – Текст : электронный.

Фото 1. Неизвестные раненые солдаты (из коллекции Н. А. Щекотова)

Фото 2. Неизвестные раненые солдаты (из коллекции Н. А. Щекотова)

Фото 3. Неизвестные раненые солдаты (из коллекции Н. А. Щекотова)

Фото 4. Неизвестные раненые солдаты (из коллекции Н. А. Щекотова)

Фото 5. Неизвестные раненые солдаты (из коллекции Н. А. Щекотова)

Фото 6. Неизвестные раненые солдаты (из коллекции Н. А. Щекотова)

Написать Много уважительной сестрицы
Кондрате Васильевне отъ Степана
Егорьевича Конакова и отъ
Иллариона Онуфриевича Гриценко

Фото 7. Конаков Степан Егорьевич и Гриценко Илларион
Онуфриевич (примерно 1915 г.) (из коллекции Н. А. Щекотова)

73

Гриценко

Форма Б.

сероссийский Земский Союз помощи больным и раненым войнамъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ о ПРИЕМѢ

раненаго или больного поступившаго съ театра военныхъ дѣйствій.

Губернія Пермская
Уездъ Верхотурский
Лечебница Медарейд при госп. фор. учил.
Спец. госпиталь (патронажъ) № 4 - Мараевъ.

№ 132.

Фамилія Гриценко.
Имя Лариона отчество Ануфриевича
Хол., жен., вдовъ
Неграмотн., грамотн., образован. 4. Возрастъ 23и.
Народность рус.
Вѣроисповѣданіе правосл.
Войсков. часть, должности (занятіе) инвалидъ

38-е Мѣсто родины: губ. Сибирская
уездъ (городъ) Амурский
Мѣстожителство (передъ войной): губ. Владимирская
уездъ (городъ) Вол. Махайловск.
Занятіе (передъ войной) землемѣръ

Болѣзнь или поврежденіе (какое, когда и гдѣ получено)
Огнестр. пулевыя раны
предѣлами из правой руки.
13/II вѣсн Керчь.

Принятъ мѣс. 24. числа 1915. г.
Откуда прибылъ из Пашрограда
Подпись врача

Фото 8. Уведомления о приеме раненого на имя Гриценко Лариона Ануфриевича (1915 г.) (Памяти героев Великой войны).

Фото 9. Дмитрий Осипов и Созинов Василий (примерно 1916 г.)
(из коллекции Н. А. Щекотова)

Н.а. добрым памяню
Отъ Ваши маминина
и Н.А. Румирова
1916 году в Зенберг

Фото 10. Лепешкин Иван и Куликов Н.А. (примерно 1915 г.)
(из коллекции Н. А. Щекотова)

289

Лепешкин

Форма Б.

Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым войнам.

УВЕДОМЛЕНИЕ О ПРИЕМЕ

раненого или больного, пострадавшего съ театра военных действий.

Губернія *Пермская*
Уездъ *Верховотурский*
Лечебница *Медарель при Жем. Жир. уезд.*
Спец. госпиталь (батальонъ) *Н-Тавский*

№ *580.*

1. Фамилія *Лепешкинъ*
Имя *Иванъ* отчество *Матвеевъ.*

2. Хол., жен., вдовъ
3. Неграм., грамотн., образован. 4. Возрастъ *19 лет*

5. Народность *русск.*
6. Въроисповѣданіе *правосл.*
7. Войсков. часть, должность (занятіе) *Роты 119-й Кономисского полка*

8. Мѣсто родины: губ. *Смоленская*
уездъ (городъ) *Климовскій*

Мѣстожительство (передъ войной): губ.
уездъ (городъ) *Тамбовскій*

10. Занятіе (предъ войной) *Купецко-землемѣръ*

11. Болѣзнь или поврежденіе (какое, когда и гдѣ получено)
Обесчороженіе ногъ - обѣихъ стѣпой.

17-го 1915-го года *Вилно*

Принятъ мѣс. *2. XII* числа 1915 г.

13. Откуда прибылъ *изъ Петрограда.*
Подпись врача

434-16. № 190-191-192 на комиссию

Фото 11. Уведомления о приеме раненого на имя Лепешкина Ивана Матвеевича (1915 г.) (Памяти героев Великой войны).

Фото 12. Надежда Васильевна Осипова и А. Н. Перельгин
(из коллекции Н. А. Щекотова)

Статья получена: 25.01.2022

Статья принята: 22.03.2022

HOSPITALS OF PERM PROVINCE AND NIZHNY TAGIL DURING THE FIRST WORLD WAR

A. A. Permyakov

Municipal budgetary general educational institution secondary school No. 138

Nizhny Tagil, Russia

alexej-permyakov@rambler.ru

S. A. Potapov

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational pedagogical University

Nizhny Tagil, Russia

sergey.potapov.2011@bk.ru

Abstract. The purpose of the article is to present a picture of the organization and functioning of rear hospitals in the Perm province and in Nizhny Tagil factory settlement during the First World War. Materials of the All-Russian Zemstvo Union, the All-Russian Union of Cities, the Electronic Database “In Memory of the Heroes of the Great War”, as well as photographic materials and materials of scientific publications were used as sources. The article examines with the activities of the authorities and public organizations to provide assistance and ensure the functioning of rear hospitals in the Perm province and, in particular, in Nizhny Tagil. Thanks to the use of photographic materials from the collection of the local historian N. A. Shchekotov, the identities and biographical data of some of the wounded who were being treated were established. Based on the collected material, it is noted that the hospitals of the Nizhny Tagil factory settlement made a great contribution to solving the problem of expanding assistance to the wounded during the war, Nizhny Tagil was one of the centers of this work in the Perm province.

Key words: First World War; Perm province; Nizhny Tagil; hospitals; helping the wounded.

References

Bazhenova, K. E. (2009). Deyatel'nost' Permskogo gubernskogo komiteta Vserossiyskogo zemskogo soyuza pomoshchi bol'nym i ranenym voynam v gody pervoy mirovoy voyny [Activity of the Perm Gubernskogo Committee of the All-Russian Zemstvo Union of Assistance to Sick and Wounded Warriors in the Years of the First World War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23 (161), 77–84.

Bukalova, S. V. (2020). Ranenye v povsednevnyy zhizni provintsial'nogo

goroda v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ya) [Wounded in the everyday life of a provincial city during the First World War (on the materials of the Central Chernozemye)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 4, 110 – 120.

Vserossiyskiy soyuz gorodov. Ocherk deyatel'nosti Vserossiyskogo soyuza gorodov 1914-1915 gg. (1915) [All-Russian Union of Cities. Essay on the activities of the All-Russian Union of Cities 1914-1915]. Retrieved from: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14272-vserossiyskiy-soyuz-gorodov-ocherk-deyatelnosti-vserossiyskogo-soyuza-gorodov-1914-1915-g-m-1916#mode/flipbook/page/56/zoom/5>

Kazakovtsev, S. V. (2007). Organizatsiya gosptaley i lazaretov v Vyatskoy gubernii vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Organization of hospitals and infirmaries in the Vyatka province during the First World War]. *Voprosy istorii*, 9, 137–140.

Kaidysheva, N. N. (2015). Organizatsiya pomoshchi bol'nym i ranenym voynam v Permskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Organization of Assistance to Sick and Wounded Warriors in the Perm Province during the First World War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(357), 101–107.

Pamyati geroev Velikoy voyny. Elektronnyaya baza dannykh [In memory of the heroes of the Great War. Electronic database]. Retrieved from: <https://gwar.mil.ru/heroes>

Porshneva, O. S. (2018). Organizatsiya servisnogo obsluzhivaniya bol'nykh i ranenyykh voynov v gosptalyakh Vserossiyskogo zemskogo soyuza v 1914 – nachale 1917 g. (na materialakh Permskoy gubernii) [Organization of service of sick and wounded soldiers in hospitals of the All-Russian Zemstvo Union in 1914 – early 1917 (on the materials of the Perm province)]. *History of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 3(2), 299–304.

Prokopets, O. N. (2015). Tul'skie voennye gosptali i lazarety v gody Pervoy mirovoy voyny [Tula military hospitals and infirmaries during the First World War]. *Tul'skiy kraevedcheskiy al'manakh*, 12, 68–82.

Rossiya v mirovoy voyne 1914–1918 gg. (v tsifrah) [Russia in the World War of 1914-1918 (in figures)] (1925). Moscow: Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie.

Spisok gosptaley, sostoyashchikh na uchete Vserossiyskogo zemskogo soyuza (na 1-oe iyunya 1915 goda) (1915) [List of hospitals registered with the All-Russian Zemstvo Union (as of June 1, 1915)]. Retrieved from: <http://elibr.shpl.ru/nodes/14140>

Syroegina, Yu. V. (2018). Organizatsiya i ustroystvo lazaretov i gosptaley na territorii Ryazanskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Organization and arrangement of lazarets and hospitals on the territory of the Ryazan province during the First World War]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*, 3(60), 45–53.

Chumakova, A. S. Organizatsiya gospitaley v Simbirske v gody pervoy mirovoy voyny [Organization of hospitals in Simbirsk during the First World War]. *Vlast'*, 28(2), 230–236.

Shchekotov, N. A. *Tagil foto. Fotografii iz lichnogo arkhiva N. A. Shchekotova* [Tagil photo. Photos from the personal archive of N. A. Shchekotov]. Retrieved from: <https://vk.com/tagilfoto>

Submitted: 25.01.2022

Accepted: 22.03.2022

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 8.81.119.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «СССР» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

И. П. Зырянова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
zyryanovairena@gmail.com

А. А. Ильина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
Ivolga99@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям использования прецедентных феноменов со сферой-источником «СССР» в англоязычном песенном дискурсе. Цель исследования заключается в определении типов прецедентных единиц (прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация) и исторических событий, к которым они апеллируют. Научная новизна заключается в том, что результаты выборки позволяют детализировать состав сферы-источника, выявить наиболее актуальные единицы, вошедшие в коллективную память этого сообщества и актуализируемые в англоязычных песнях. Как показал анализ, наиболее частотными прецедентными феноменами в англоязычном песенном дискурсе являются Великая отечественная война и космическая гонка. В работе применяются следующие методы: описательный метод, метод сплошной выборки, метод классификации, метод дискурсивного анализа, метод статистической и типологической обработки полученных данных.

Ключевые слова: прецедентный феномен; песенный дискурс; сфера-источник «СССР»; прецедентный текст; прецедентная ситуация; прецедентное высказывание.

1. Введение

В настоящее время понятие «дискурс» широко используется в гуманитарных науках. Оно является объектом междисциплинарного изучения, что ведет к различным трактовкам данного термина. Кроме лингвистики с изучением понятия «дискурс» сталкиваются такие науки, как политология, со-

циология, литературоведение, психология, этнология и другие. Соответственно, каждая дисциплина трактует термин по-своему. По мнению Н. Н. Зябловой, «Дискурс имеет отношение ко всем сферам деятельности индивида и может быть представлен любыми высказываниями в письменной или устной форме, такими как: научные публикации и учебные материалы, лекции, очерки в периодических изданиях и выступления по каналам СМИ журналистов, политиков и деятелей культуры, деловая переписка, медицинские рекомендации; словом, всем, что предназначено для целенаправленного воздействия одних людей на других» [Зяблова, 2012, с. 224].

В рамках данной работы будет рассмотрен лингвистический подход к изучению дискурса. Но и в контексте одной дисциплины не существует общей интерпретации понятия. Над толкованием данного понятия работали В. И. Карасик [2004], Z. Harris [1952], Н. Д. Арутюнова [1990], Ю. С. Степанов [1995], В. А. Андреева [2007].

Принимая во внимание различные подходы к трактовке термина «дискурс», мы придерживаемся определения, данного Ю. Н. Карауловым и В. В. Петровым: «Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров, 1989, с. 8]. Данное определение дает четкое представление о том, что «дискурс» — это не только лингвистическое, но и социокультурное явление, которое, интерпретируя окружающую действительность, отражает при этом особый способ видения мира, способ упорядочивания действительности, заданный определенной коммуникативной ситуацией и присущий определенному социуму [Зырянова, 2020]. Стоит отметить, что в данной работе под дискурсом также понимается любой текст с учетом его коммуникативных и экстралингвистических характеристик.

Песенный дискурс является более узким понятием, так как он представляет собой один из художественных жанров рассматриваемого феномена. Музыка и песни окружают нас на каждом шагу, они способны настроить на нужный лад, натолкнуть на правильные мысли или просто помочь расслабиться, наслаждаясь красивой мелодией и звучным текстом. Песни, как вид искусства, привлекают внимание не только людей, которые рассматривают их с эстетической стороны, но и лингвистов, для которых текст композиции в совокупности с экстралингвистическими факторами представляет собой широкое поле для исследования. Песенный дискурс как научный термин появился относительно недавно, в прошлом столетии, в связи с тем, что данное творчество начало набирать популярность и многие лингвисты стали подвергать тексты песен глубокому анализу. Соответственно, был введен термин «песенный дискурс», трактовки которого представлены в работах таких филологов как Н. Фэрклоу [2021], Ю. Е. Плотницкий [2005], Н. С. Валгина [2003], В. А. Васина-Гроссман [1972], Л. Г. Дуняшева [2015]. Обобщая изученные трактовки понятия, мы приходим к выводу о том, что под песенным

дискурсом понимается сложное единство музыкального и языкового компонентов в процессе коммуникации, происходящей между участниками этой самой коммуникации посредством вокальных произведений. Целью данного феномена является передача информации путем творческого самовыражения.

Многое, что происходит в нашей жизни, так или иначе, находит свое отражение в искусстве, и, в частности, в музыке. Песенный дискурс выражает особенности культуры конкретной страны, создает различные эталоны, национальные и этнокультурные стереотипы, культурный фон эпохи, менталитет. В настоящее время песни все чаще рассматриваются не как развлечение, а как способ передачи знания другим поколениям, ведь этот, казалось бы, простой проводник информации способен с легкостью привить слушателям необходимые ценности, настроение, мотивацию к действию, нормы и морали, которые вкладывают авторы в свои произведения.

Стоит отметить, что представители разных культур довольно часто обмениваются информацией, что способствует образованию универсалий, которые понимают жители не одной конкретной страны, а всего мира. В данном случае существует вероятность того, что некоторые реалии могут быть интерпретированы неверно в связи с этнической спецификой народа. Но это абсолютно не значит, что авторы/исполнители из одной страны не могут сочинять песни про культуру других стран, их особенности жизни и государственного устройства.

2. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили 30 англоязычных текстов песен, написанных группами «Sabaton», «Accept», «The Tragically Hip», «Neurosis», «Watchtower», «СССР», «the Shamen», «Renaissance», «Pet Shop Boys», «Saxon», «Julz & the Cosmic 5» и такими исполнителями, как Крис де Бург, Билли Джойл, Эл Стюарт, Вуди Гатри, Роберт Уайт, Рой Экафф, Рэй Андерсон, Рузвельт Сайкс, Стинг, Принц в период 1965–2021 гг., включающие в себя прецедентные феномены со сферой-источником «СССР».

В исследовании применяются следующие методы: описательный метод, метод сплошной выборки, метод классификации, метод дискурсивного анализа, метод статистической и типологической обработки полученных данных.

Методология исследования опирается на теорию прецедентных феноменов, получившую широкое распространение при анализе дискурса в целом и песенного в частности [Гудков, 2008; Караулов, 1989; Красных, 2004; Слышкин, 2004]. Так, теория прецедентных феноменов используется для анализа разного рода дискурсов: художественной литературе, как в стихах, так и в прозе [Кузьмина, 1999], в дискурсе средств массовой информации [Гудков, 2008], в рекламе [Илюшкина, 2008], в политическом дискурсе [Нахимова, 2007], в научном дискурсе [Михайлова, 1999] и в ряде других областей. В рамках данной работы рассмотрены прецедентные феномены в

песенном дискурсе, использование которых воздействует на слушателя, помогает сформировать отношение к миру, конкретной личности или ситуации.

Д. Б. Гудков под прецедентными феноменами понимает единицы, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков, 2008, с. 110]. Соответственно, Д. Б. Гудков уделяет внимание национальным прецедентным феноменам, Г. Г. Слышкин, в свою очередь, делает больший акцент на прецедентных текстах, которые характерны для малых социальных групп: семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы [Слышкин, 2004].

В соответствии с концепцией Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, И. В. Красных и Д. В. Багаевой прецедентные феномены подразделяются на две группы: вербальные и невербальные. К вербальным феноменам относятся разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности, к невербальным – произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. В рамках вербальных феноменов ученые выделяют прецедентные феномены, к которым относят прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию и прецедентный текст. [Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации, 1998].

Прецедентное имя (ПИ) – это широко известное имя собственное которое используется не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города) в тексте, сколько в качестве символа определенных качеств, событий, судеб [Мифтахова, 2014, с. 102].

Прецедентное высказывание (ПВ) – это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица. Основной особенностью прецедентных высказываний является их многократность в употреблении носителями языка [Красных, 2002]. Спецификой ПВ выступает его фиксированная структура, которая не изменяется при каждом коммуникативном акте, а остается неизменной и берется в готовом виде, что позволяет утверждать о шаблонности прецедентных высказываний.

Прецедентная ситуация (ПС) – это такая «идеальная» ситуация, которая связана с набором неких смыслов, входящих в когнитивную базу; ситуация, произошедшая когда-либо в действительности или в художественном мире. «ПС могут быть актуализированы посредством вербальных средств через какую-то деталь, атрибут или символ самого прецедентного феномена» [Красных, 2002, с. 228].

Прецедентный текст (ПТ) – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности [Гудков, 2003, с. 172]. В качестве прецедентных текстов могут служить образцовые тексты национальной куль-

туры, изучение которых необходимо при становлении личности. Особенностью ПТ является то, что на протяжении всей жизни человек как носитель определенной культуры неоднократно возвращается к ним.

3. Типы прецедентных феноменов со сферой-источником «СССР» в англоязычном песенном дискурсе

В англоязычном песенном дискурсе упоминание СССР высокочастотно, поскольку феномен советского государства имел глобальное значение. Период существования СССР является огромным историческим пластом, который затрагивает различные сферы жизни: политическую, духовную, общественную и культурную. Соответственно, частое упоминание советского государства в песенном дискурсе не удивительно, так как авторы композиций, ссылающиеся на существовавшие события, людей и истории, связанные с данным периодом времени, старались отразить реалии, характерные для советского народа. Большинство ПФ имели не только локальный, но и международный характер, что способствовало их легкому восприятию и пониманию среди граждан англоговорящих стран.

В качестве классификации прецедентных феноменов мы придерживаемся концепции Д. Б. Гудкова и В. В. Красных, в которой прецедентные феномены разделяются на прецедентное имя (ПИ), прецедентную ситуацию (ПС), прецедентный текст (ПТ) и прецедентное высказывание (ПВ).

Всего было проанализировано 30 композиций, которые включают в себя разные типы прецедентных феноменов. Стоит отметить, что апелляция к ПС не встречается сама по себе, а находит отражение при помощи остальных типов прецедентных феноменов: прецедентных имен, высказываний и текстов. Это связано в первую очередь с тем, что за каждой ситуацией стоят имена собственные или топонимы, которые ассоциируются с историческими событиями, именно поэтому ПС раскрываются при помощи остальных типов прецедентных феноменов.

3.1. Прецедентные имена

Композиция «Night Witches» группы «Sabaton» апеллирует к прецедентной ситуации, известной как «588-й ночной легкомобардировочный авиационный полк», в состав которого входили исключительно женщины, совершавшие полеты во время ВОВ в ночное время суток, за что и были названы «Ночные ведьмы». ПИ является само название композиции, а также указание на название полка. Ср.:

Canvas wings of death. Prepare to meet your fate. Night bomber regiment 588!

Блокада Ленинграда рассматривается в композициях Криса де Бурга и Билли Джойла, которые получили одинаковое название «Leningrad». Chris de Burgh описывает чувства людей, которых разлучила блокада. Ср.:

It was a moonless night upon the road of life, when he'd held her to say goodbye.

Ситуация раскрывается при помощи ПИ «дорога жизни» – единственной транспортной магистраль через Ладожское озеро во время Великой Отечественной войны. В песне Билли Джайла используется ПИ «Ленинград». Ср.:

Viktor was born in the spring of '44. And never saw his father anymore. A child of sacrifice, a child of war. Another son who never had a father after Leningrad.

Однако данная композиция делает акцент не на самой блокаде, а на жизни детей военного времени.

Композиция «Panzerkampf» группы «Sabaton» содержит несколько прецедентных имен – Прохоровка, Красная армия и «Цитадель». Ср.:

Fields of Prokhorovka where heat of battle burned, Suffered heavy losses and the tide of war was turned.

Данное прецедентное имя связано с прецедентной ситуацией – крупнейшим в истории танковым сражением на поле под Прохоровкой во время Великой Отечественной войны, об этом событии говорится в композиции. Ср.:

Oh, Mother Russia, union of lands! Once more victorious, the Red Army stands.

Под Красной армией понимается официальное название видов вооруженных сил СССР, которые принимали участие во время ВОВ.

Soldiers of the Union broke the Citadel, Ruins of an army... Axis rest in hell!

В данном примере ПИ является «Цитадель», которое апеллирует к наступательной операции вермахта на северном и южном фасах Курского плацдарма.

Соперничество между СССР и США в области освоения космоса не могло остаться без внимания, поэтому достаточно большое количество композиций делают отсылку к событиям, связанным с космической гонкой, которая стала важной частью противостояния двух государств во время Холодной войны. В песне «Sputnik Baby» Рузвельт Сайкс использует прецедентные имена Никиты Сергеевича Хрущева и аппарата «Спутник 2». Ср.:

Listen Mr. Khrushchev, I heard a lot of talk. Satellite and missiles and Eisenhower's fault/ She can make more speed than Sputnik No. 2.

В рамках данной композиции упоминается Хрущев, так как этот политический деятель находился у власти в то время, когда «Спутник 2» был запущен на орбиту Земли с собакой Лайкой внутри. Эта же прецедентная ситуация раскрывается в песне «Sputniks and Mutniks», автором которой является Рэй Андерсон, где в качестве атрибутов выступают следующие строки. Ср.:

Sputniks and mutniks flying everywhere. They're so ironic. Are they atomic?/ With a dog inside that got to ride into the USA.

Главным опасением США был тот факт, что СССР при помощи Спутника сможет запустить атомные бомбы. Прецедентное имя Юрий Гагарин

ассоциируется с первым полетом человека в космос. Группа «Julz & the Cosmic 5» в композиции «Yuri» восхваляет советского летчика-космонавта и в положительном ключе отзывается о прорыве СССР в области космонавтики. Ср.:

Yuri is flying above the earth, holding on tight, for all he's worth; He's won the race, none can deny. The first in space – to reach the sky!

При помощи прецедентного имени песня раскрывает ситуацию, которая изменила весь мир.

Одним из наиболее ярких примеров того, как прецедентные имена могут символизировать прецедентную ситуацию, отражен в песне Билли Джойла «We Didn't Start the Fire», которая представляет собой хронологию событий с 1949 по 1989 при помощи набора слов и имен собственных, которые являются атрибутами к конкретным мировым событиям. Всего песня описывает около 100 ключевых событий в истории. Ср.:

Josef Stalin, Malenkov, Nasser and Prokofiev, Rockefeller, Campanella, Communist Bloc/ Bardot, Budapest, Alabama, Khrushchev, Princess Grace, "Peyton Place", Trouble in the Suez/ Begin, Reagan, Palestine, Terror on the airline. Ayatollah's in Iran, Russians in Afghanistan.

Примечательным является тот факт, что автор композиции не поясняет, какие ПС стоят за именами собственными, однако слушатели, знакомые с мировой историей, могут проследить хронологию событий и сопоставить ПИ с определенной ситуацией.

Наиболее яркой фигурой советской эпохи является Иосиф Виссарионович Сталин, поэтому его имя может являться прецедентным по отношению к нескольким ситуациям. Роберт Уайт в композиции «Stalin Wasn't Stallin'» применяет прецедентное имя в качестве атрибута к военным действиям и восхищается решимостью политического деятеля, который пообещал освободить страну от нападения Германии и смог сдержать свое обещание. Ср.:

Stalin wasn't stallin' when he told the beast of Berlin. That they'd never rest contented till they had driven him from the land.

Эффект от текста песни достигается при помощи созвучности слов Stalin и глагола stall.

Комитет государственной безопасности Советского союза является известным для многих англоговорящих граждан, которые знакомы с мировой историей. Поэтому обращение к КГБ в разных видах дискурса встречается довольно часто, песенный дискурс не является исключением. В композиции Криса де Бурга «Moonlight and Vodka» прецедентным именем является название организации, которая занималась обеспечением безопасности в СССР. Ср.:

That dancing girl is making eyes at me, I'm sure she's working for the K.G.B.

Автор высказывает свое стереотипное опасение в отношении того, что любой советский гражданин мог быть шпионом, работающим на КГБ.

Спортивная составляющая СССР также нашла отражение в англоязычном песенном дискурсе. В произведении «Fireworks» группы «The Tragically Hip» прецедентной ситуацией является хоккейный матч, прошедший в 1972 году, под названием «Суперсерия СССР – Канада». Ср.:

If there's a goal that everyone remembers. It was back in old seventy-two / You were loosening my grip on Bobby Orr.

В данном контексте происходит обращение к прецедентной ситуации, атрибутами которой является год и прецедентное имя – Бобби Орт. Канадский хоккеист являлся лучшим игроком того времени, но он не смог принять участие в «Суперсерии». Стоит отметить, что несмотря на проигрыш, разрыв между командами был небольшой, что является доказательством того, что советские хоккеисты могли выступать на равных с Канадой.

Война между СССР и Финляндией тоже нашла отражение в англоязычных песнях, в частности в композиции группы «Sabaton» «Talvisota». Исполнители раскрывают события Советско-финской войны, делая акцент на тактике «Мотти», которая активно применялась финнами в ходе войны с Советским союзом. Ср.:

Split them into small divisions. Rip 'em of the conquest visions. Motti tactics used with great result. Fight the Russian rule and their demand / Hold your ground! Winter war!

Отражение Афганской войны находит место в творчестве группы «Sabaton», а конкретно в композиции «Hill 32/34», где само название является ПИ, которое ссылается к бою у высоты 3234, в котором советские солдаты 9-й парашютно-десантной роты воевали за господствующую высоту в зоне афгано-пакистанской границы.

Авария на Чернобыльской АЭС расценивается как крупнейшая в своем роде за всю историю атомной энергетики, поэтому данная катастрофа не осталась без внимания со стороны иностранцев, которые посвятили Чернобылю свои композиции. Песня «Mayday in Kiev» группы «Watchtower» также обращается к прецедентной ситуации, связанной с аварией в Чернобыле, атрибутом апелляции к которой являются прецедентные имена: четвертый энергоблок и Восточный блок. Ср.:

As a poisoning cloud spread over the Eastern Bloc / An explosion in Reactor Four – a fire refusing to cease.

Под Восточным блоком понимаются просоветские страны Центральной и Восточной Европы, Восточной и Юго-восточной Азии во главе с СССР. Четвертый энергоблок – место, где произошла авария на Чернобыльской АЭС.

3.2. Прецедентные высказывания

В ходе исследования выяснилось, что прецедентные высказывания со сферой-источником «СССР» представлены гораздо реже, но все они также апеллируют к определенной прецедентной ситуации.

Симбиоз ПИ и ПВ встречается в композиции «In Gorbachev we trust» группы «the Shamen». В тексте песни происходит апелляция к имени собственному – Михаилу Сергеевичу Горбачеву, советскому политическому деятелю, в период деятельности которого закончилась холодная война между СССР и США. Ср.:

Put your fantasies in someone. Say a prayer and hope to stay young. We'll have chemicals and freedom. In Gorbachev we trust.

В композиции ПВ служит фраза «In God We Trust», которая является официальным девизом США, но в рамках песни она претерпела изменение, вместо слова God используется фамилия Горбачева, что свидетельствует о том, что народ США восхищается действиями советского политического деятеля, так как именно его уступчивость при заключении «Договора о ракетах средней и меньшей дальности» способствовала окончанию конфронтации между двумя властными державами.

Композиция Стинга «Russians» содержит в себе прецедентное высказывание Н.С. Хрущева. Ср.:

Mr. Khrushchev said «We will bury you». I don't subscribe to this point of view.

Данная фраза была адресована западным послам на приеме в польском посольстве в Москве 18 ноября 1956 года, но была воспринята неверно из-за некачественного перевода на английский язык, вследствие чего получила большой резонанс в обществе.

В уже рассмотренной композиции «Defence of Moscow» группы «Sabaton» атрибутом прецедентной ситуации служит прецедентное высказывание. Ср.:

Hear Marshal Zhukov's, and Stalin's orders / Heed the motherland's call, and brace for the storm/ Defend the motherland, Moscow shall not fall!

ПВ является английская версия известного лозунга «Родина-мать зовет!», который появился в 1941 году на одном из самых известных пропагандистских плакатов за всю историю Советского Союза.

3.3. Прецедентные тексты

Прецедентные тексты со сферой-источником «СССР» встречаются реже остальных типов прецедентных феноменов. Это связано в первую очередь с тем, что сама сфера-источник больше связана с историческими событиями, личностями, а не художественными произведениями. Однако несмотря на это, были найдены две композиции, в которых происходила апелляция к прецедентным текстам либо созданным советскими авторами, либо затрагивающим эпоху Советского союза.

Песня группы «Renaissance» «Mother Russia» считается отсылкой к произведению Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в котором повествуется о жизни советского заключенного, ход со-

битий в песне соотносится с сюжетом рассказа. За произведение Солженицын был изгнан из страны, обвинён в измене Родине и лишён советского гражданства.

Punished for his written thoughts. Starving for his fame. Working blindly, building blocks.

«My October Symphony» группы «Pet Shop Boys» ссылается на произведение советского композитора Дмитрия Шостаковича «Симфония № 2 («Октябрь»), которая была написана к десятой годовщине Октябрьской революции. Сюжет композиции построен вокруг размышлений о революции и её последствиях для граждан страны. Ср.:

Shall I rewrite or revise. My October symphony? Or as an indication. Change the dedication. From revolution to revelation?

Всего было найдено и проанализировано 62 прецедентных феномена: 46 прецедентных имен (75%), 11 прецедентных ситуаций (17,5%), 3 прецедентных высказывания (4,5%), 2 прецедентных текста (3%). Данные результаты объясняются тем фактом, что все прецедентные феномены со сферой-источником «СССР» прежде всего апеллируют к конкретным историческим событиям, которые не могут существовать без личностей, являющихся непосредственным участниками этих событий, поэтому такое количество прецедентных имен является оправданным, так как за каждой ПС может стоять не одно лицо, а несколько. Редкое упоминание прецедентных текстов еще раз доказывает, что СССР имеет ассоциацию больше с социальными событиями, нежели с культурными или духовными явлениями.

В таблице представлено соотношение ПИ, ПВ и ПТ с определенными историческими событиями, к которым они апеллируют. Всего было выявлено 11 ПС, которые являются наиболее известными на мировом уровне, именно поэтому авторы композиций делали к ним отсылки.

Таблица 1 – Соотношение ПИ, ПВ, ПТ с ПС с определенными историческими событиями

ПС	ПИ	ПВ	ПТ
Великая Отечественная война	18	2	1
Холодная война	5	0	1
Космическая гонка	5	0	0
Авария на Чернобыльской АЭС	3	0	0
Ядерная война	3	0	0
Культурная жизнь СССР	2	0	1
Смерть Сталина	2	0	0
Гонка вооружения	2	0	0
Суперсерия СССР – Канада	2	0	0
Афганская война	2	0	0
Распад СССР	2	0	0

4. Заключение

На материале текстов песен была рассмотрена актуализация разных видов прецедентных феноменов. Мы пришли к выводу, что ПИ, ПВ, ПТ со сферой-источником «СССР» чаще всего раскрывают какую-то ПС, соответственно, являются её символом. В рамках исследования можно заключить, что в англоязычном песенном дискурсе, который рассматривает тематику СССР, чаще всего происходит апелляция к Великой Отечественной войне, которая оставила большой след в мировой истории. Частотность апелляции к данной ситуации связана с тем, что большинство населения мира осведомлены о ходе событий во время ВОВ, а значит знакомы с личностями, топонимами, которые с ними связаны. Употребление наиболее известных ПИ помогает авторам композиций раскрыть определенную ситуацию и остаться понятным для слушателей. Однако стоит отметить, что в рамках исследования были найдены ПС, которые имеют более локальное значение, а в связи с этим, чтобы понять отсылку к событиям, слушатель должен быть более детально знаком с историей СССР. Из этого следует вывод, что не все музыкальные композиции направлены на широкий круг слушателей, так как большинство из них не знакомы с прецедентными феноменами, к которым происходит апелляция.

Подводя итог следует отметить, что изучение прецедентных феноменов в рамках песенного дискурса является перспективным направлением для исследования, так как песня содержит в себе как вербальный, так и невербальный компонент, способный влиять на слушателя, раскрывать подробности событий и менять его представления о мире. Именно поэтому рассмотрение совокупности вербального и невербального компонентов песенного дискурса является перспективой дальнейшего исследования.

Список литературы

Андреева, В. А. К вопросу о соотношении понятий "текст" и "дискурс": место текста в динамическом пространстве дискурса / В. А. Андреева. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского Университета. – 2007. – № 4. – С. 198–204.

Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 198 с. – Текст : непосредственный.

Васина-Гроссман, В. А. Музыка и поэтическое слово / В. А. Васина-Гроссман. – Ч. 1: Ритмика. – Москва : Музыка, 1972. – 150 с. – Текст : непосредственный.

Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков. – Текст : непосредственный // Язык средств массовой

информации / Под ред. Н.Н. Трошина. — Москва : Издательство МГУ, 2008. — С. 141–161.

Дунышева, Л. Г. Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии / Л. Г. Дунышева. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания / Под ред. В. Н. Васильева. — Казань : Вестфалика, 2015. — С. 190–197.

Зырянова, И. П. Специфика газетно-журнального дискурса и его адресата / И. П. Зырянова. — Текст : непосредственный // Современный дискурс-анализ. — 2020. — № 1(25). — С. 18–30.

Зяблова, Н. Н. Дискурс и его отличие от текста / Н. Н. Зяблова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2012. — № 4. — С. 223–225.

Илюшкина, М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Илюшкина М. Ю. ; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург, 2008. — 272 с. — Текст : непосредственный.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 390 с. — Текст : непосредственный.

Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов. — Москва : Прогресс, 1989. — 312 с. — Текст : непосредственный.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 216 с. — Текст : непосредственный.

Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаев. — Текст : непосредственный // Вестник МГУ. — 1998. — № 9 — С. 62–85.

Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. — 268 с. — Текст : непосредственный.

Мифтахова, М. М. Явление прецедентности как языковой феномен / М. М. Мифтахова. — Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2014. — № 2 (16). — С. 99–103.

Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Михайлова Е. В. ; Волгоградский государственный педагогический университет. — Волгоград, 1999. — 22 с. — Текст : непосредственный.

Плотницкий, Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: специальность 10.02.01 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой сте-

пени кандидата педагогических наук / Плотницкий Ю. Е ; Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2005. – 183 с. – Текст : непосредственный.

Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – Москва : Водолей Publishers, 2004. – 153 с. – Текст : непосредственный.

Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принципы причинности / Ю. С. Степанов. – Текст : электронный // *Philologos*. – 1995. – № 1. – С. 35–73. – URL: <http://philologos.narod.ru/ling/stepanov.htm> (дата обращения: 10.05.2021).

Фэрклоу, Н. Диалектика дискурса / Н. Фэрклоу. – Текст : электронный // Современный дискурс-анализ. – 2009. – № 1. – С. 117–125. – URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml> (дата обращения: 10.05.2021).

Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris. — 1952. — № 1. — С. 1—30.

Статья получена: 14.02.2022

Статья принята: 27.03.2022

PRECEDENT PHENOMENA FEATURES OF THE SOURCE DOMAIN “THE USSR” IN ENGLISH SONG DISCOURSE

I. P. Zyryanova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
zyryanovairena@gmail.com

A. A. Ilina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
Ivolga99@yandex.ru

Absrtact. The article deals with precedent phenomena features referring to the source domain “The USSR” in English song discourse. The research goal is to define types of precedent phenomena (a precedent text, a precedent name, a precedent situation, a precedent phrase) and cultural/historic events they refer to. The approach results help to lay out the specifics of the USSR source domain and

point out the most frequently used precedent items found in the songs which are the Great Patriotic War and space race. To achieve the goal the following methods are used: a descriptive method, statistical and typological data processing, a classification method, discourse analyzing.

Key words: precedent phenomenon; song discourse; source domain “the USSR”; precedent text; precedent name; precedent situation; precedent phrase.

References

Andreeva, V. A. (2007). K voprosu o sootnoshenii ponytiy “text” i “diskurs”: mesto teksta v dinamicheskom prostranstve diskursa [To the question of correlating “text” and “discourse”: the text placement in discourse dynamics]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*, 4, 198–204.

Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. *Soviet Encyclopedia*, (pp. 136–137). Moscow: Soviet Encyclopedia.

Dunysheva, L. V. (2015). Pessenii diskurs kak ob’ekt izucheniya lingvokulturologii [Song discourse as a subject matter of language-culture studies]. *Aktualniye problemy romanskikh yazykov i sovremennye metodiki ikh prepodavaniya*, 190–197.

Fairclough, N. *Dialektika diskursa* [Dialectics of discourse]. Retrieved from <http://www.discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml>.

Gudkov, D. B. (2008). Pretsedentnie fenomeny v tekstakh politicheskogo diskursa [Precedent phenomena in political discourse texts]. *Yazyk massovoy informatsii*, 29, 141–161.

Harris, Z. (1952). Discourse analysis. *Language*, 1, 1–30.

Ilushkina, M. Yu. (2008). *Pretsedentnye fenomeny v rossiyskoy i britanskoy pechatnoy reklame uslug dlya turistov* [Candidate Dissertation, Ural State Pedagogical University]. Yekaterinburg.

Karasik, V. I. (2001). O kategorii lingvokulturologii [A category of language-culture studies]. *Yazykovaya lichnost’: problemy kommunikativnoy deyatel’nosti*, 3–16.

Karasik, V. I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs* [Language environment: identity, concepts, discourse]. Moscow: Gnosis.

Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkiy yazyk i yazykivaya lichnost’* [The Russian language and language identity]. Moscow: Nauka.

Karaulov, Yu. N. (1989). *Ot grammatiki teksta i kognitivnoy teorii diskursa* [From text grammar to cognitive theory of discourse]. Moscow: Progress.

Krasnykh, V. V., Gudkov, D. B., Zakharenko, I. V., & Bagaev, D. V. (1998). Kognitivnaya baza i pretsedentnyye fenomeny v sisteme grugikh edinits i v kommunikatsii [Cognitive background and precedent phenomena in the system of other items and communication]. *Vestnik MGU*, 9, 62–85.

Kuzmina, N. A. (1999). *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in development of poetic language]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta.

Miftakhova, M. M. (2014). Yavlenie pretsedentnosti kak yazykovoy fenomen [Precedency as a language phenomenon]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2, 99–103.

Mikhaylova, E. V. (1999). *Intertekstual'nost' v nauchnom diskurse (na material'noy statey)* [Doctoral dissertation, Volgograd State Pedagogical University].

Plotnitskiy, Yu. E. (2005). *Lingvostilisticheskie i lingvokulturnye kharakteristiki angloyazychnogo pesennogo diskursa* [Doctoral dissertation, Samara State Pedagogical University].

Slyshkin, G. G. (2004). *Kinotekst (opyt lingvokulturologicheskogo analiza)* [Filmtext (experience of lingvocultural analyzing)]. Moscow: Vodoley Publishers.

Stepanov, Yu. S. *Al'ternativniy mir, discours, fakt i prinstypy prichinnosti* [Alternative world, Discourse, Fact and Principles of Casuality]. Retrieved from <http://philologos.narod.ru/ling/stepanov.htm>.

Valgina, N. S. (2003). *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos.

Vasina-Grossman, V. A. (1972). *Musika i poeticheskoe slovo* [Music and poetry]. Moscow: Musika.

Zyablova, N. N. (2012). Diskurs i ego otlichiya ot teksta [Discourse and its difference from text]. *Molodiy uchenyy*, 4, 223–225.

Zyryanova, I. P. (2021). Spetsifika gazetno-zhurnal'nogo diskursa i ego adresata [Specific features of mass media discourse and its addressee]. Retrieved from <http://www.discourseanalysis.org/ada25/st278.shtml>.

Submitted: 14.02.2022

Accepted: 27.03.2022

УДК 811.11-112

ЖАНР «ХОРРОР» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛЫ Э. А. ПО «КОЛОДЕЦ И МАЯТНИК»)

Е. А. Крюкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
kryukova.elena.00@mail.ru

Е. Р. Боровкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
rifovna@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются жанр «хоррор», его история, характерные черты жанра на примере новеллы Э. А. По «Колодец и маятник». В ходе анализа при изучении литературы применялись теоретические методы (аналогия, классификация, обобщение, анализ).

Сделан вывод о том, что в новелле Э. По воплощены ведущие черты жанра; особенность новеллы Э. По «Колодец и маятник» заключается в том, что, сохранив главные черты, автор вводит психологизм, благодаря которому передается внутренний мир героя, тем самым устанавливается более тесная связь с читателем. Выявлено, что для создания особенностей жанра в романе автор использует как экстралингвистические средства, выраженные образами, так и лингвистические средства, представленные стилистическими приемами и выразительными средствами.

Ключевые слова: хоррор, психологизм, хронотоп, лингвистические средства, литературные персонажи.

1. Введение

В современной лингвистике исследования жанра «хоррор» регулярно привлекают внимание исследователей [Куликова, 2021; Рац, 2021; Сергийчук, 2016; Malykh, 2019]. Многие авторы пытались сформулировать определение этого жанра, с целью отличить его от других аналогичных и близких жанров — таких, как «триллер» и «научная фантастика». Однако каждый из них сталкивался с трудностями, поскольку атрибуты, относящиеся к одному жанру, можно найти и в других жанрах.

Один из исследователей жанра, Д. Стринати, говоря в своем труде о жанре хоррор, описывает его как: «жанр, вызывающий дискомфорт и тревогу, которые приходится подавлять в процессе чтения» («Вступление к изучению популярной культуры») [Strinati, 2000, с. 119-120.]

Н. Кэрролл разделяет ужасы на два понятия: естественный хоррор и арт-хоррор (ужас, созданный искусством, реализованный в предметах искусства: книгах, фильмах и проч.) [Пушкина, 2015, с. 319-330.]

Большое значение для изучения жанра имеют труды М. М. Бахтина – основателя науки о жанре в отечественной науке о языке [Бахтин, 1975]. В его работах коммуникативной цели соответствует понятие «авторского замысла или воли», которое определяет целое высказывание, его объем и границы.

Ужас – это разнообразный жанр, который трудно определить одним определением. И поэтому наиболее точным является тот, который определяет ужас через каждую из его категорий и его поджанров.

Жанрообразующим признаком, по мнению исследователей, является ориентация на страх, на чувства страха – данный факт также подтверждается тем, что самым близким переводом слово хоррор является «страх». Поэтому целью литературы жанра хоррор – либо напугать читателя встречей со сверхъестественным, либо вызвать отвращение от описываемой, совсем не сверхъестественной реальности.

Говоря о поджанрах хоррора в литературе, выделяют сельский, космический, апокалиптический, криминальный, эротический, оккультный, психологический, сюрреалистичный хоррор [Prohászková, 2012, p. 11].

Традиция ужаса, в отличие от готической традиции, появившейся в XVIII веке в англоязычной литературе, происходит из формы короткого рассказа, который развивает мотив ужаса за более короткое время через мрачные суеверия, легенды и типичные страхи эпохи позднего Средневековья, фокусируется на меньшем количестве персонажей и таким образом позволяет читателю иметь более подробный и более личный контакт.

Возникновение мотива ужаса основано на эффекте напряжения и страха, где обязательным условием является встреча с чем-то сверхъестественным в атмосфере мистики и фантастики либо в реальном мире (например, в стенах готических замков).

Г. Лавкрафт выделил основные причины, сформировавшие атмосферу средневековых страхов, повлиявших в будущем на содержание готических романов [Назарова, 2016, с. 29-34.]:

1. Противостояние официальной церкви и тайных языческих культов, вызвавшее «охоту на ведьм» в Европе.
2. Вера в наличие неких сатанинских сект; страх перед одержимостью демонами.
3. Частые эпидемии, которым приписывалась мистическая природа.
4. Постоянное столкновение средневекового человека со смертью.

В произведениях жанра «хоррор» сюжеты не имеют четкой системы, но их можно было бы систематизировать в виде концептов (легенды, суеверия и страхи, характерные для конкретных поколений), где хаос является основой сюжетов.

Данное исследование посвящено жанру страшной истории в современной литературе и обусловлено тем, что в современном литературоведении ему не уделяется достаточного внимания, хотя в настоящее время литература этого жанра наполняется новыми именами, к этому жанру обращаются многие современные авторы и, несмотря на мнение некоторых исследователей, интересна читателю.

Среди характерных черт жанра можно выделить следующие:

1. Наличие сверхъестественного и ужасного, вызывающих чувство страха.

2. Отчуждение человека от мира, попытки выжить. Мотив: отсутствие возможности противостоять силам.

3. Важное место занимает сам способ нагнетания страха, а затем борьба добра и зла.

4. Одним из атрибутов ужаса являются некоторые типичные архетипические персонажи: вампир, оборотень, зомби, монстр, сумасшедший ученый, демон, призрак, вечный странник, серийный убийца, психопат, плохой ребенок, одержимый и антихрист.

5. Готический роман имеет особый хронотоп.

а) Важным элементом создания атмосферы страха – место действия (в ранних готических романах – замок; монастырь, собор, кладбище, небольшое поселение, готический особняк, дом и даже квартира), замкнутое пространство, выражающее собой заключение героя в рамках фатума, во власти сверхъестественных сил. Иногда герой по сюжету буквально заточен в месте действия, но всегда находятся во власти рока, сверхъестественных сил и зачастую преследующего его прошлого.

б) Само место действия характеризуется мрачной, нагнетающей ужас обстановкой: запутанные коридоры, тайные ходы, темные подвалы, лестницы, старинные предметы, картины, книги, оккультная символика, склепы, разрытые могилы. Зачастую это сопровождается странными звуками, неожиданными порывами ветра, пугающей игрой светотени, появлением «демонических» животных, например, черного кота, ворона, волка или летучей мыши. Движение пространства происходит за счет его сворачивания: от открытого в замкнутое, с постепенным усилением: приезд в замок и проч. Движение сюжета – «захлопывающаяся ловушка», в которой постепенно оказывается герой.

в) Герой находится в плену не только пространства, но и времени. Прошлое в готическом романе вливается в настоящее и определяет будущее (три пласта); прошлое всегда вливается в настоящее через пространство литературного произведения, через сюжетно-психологическое содержание: если фабула связана с какой-либо историей из прошлого героя или его семьи либо если давние события, повлекшие за собой происходящее, не имеют прямого отношения к главному действующему лицу, но оно было вовлечено тем или иным образом (приехав к другу, приобретя предмет «с историей»,

вступив в контакт с духом, призраком или древним демоническим существом и т. д.). Эта размытость временного пространства наряду с контрастным вторжением зловещих сверхъестественных сил в привычную действительность персонажей усиливает ощущение погружения в пугающую таинственную ирреальность, засасывающую все глубже как героя, так и читателя.

6. Жанр характеризуется динамизмом.

7. В произведении встречается мотив «ожидания опасности, бедствия».

8. Изображаются сверхъестественные явления, в сюжете представлена смерть и ее атрибуты (мертвое тело и его части).

9. Наличие старинных суеверий, чудес, призраков, колдовских чар, вещей снов и прочих сверхъестественных явлений.

10. Историческая стилизация [Пушкина, 2015, С. 319-330.].

Под влиянием социальных и экономических условий отношение к жанру и черты жанра менялись в творчестве отдельных авторов, вносились элементы новаторства, поэтому произведения в жанре хоррор и в настоящее время находят отклик у читателей.

Особое место в развитии неоготической литературы занимает творчество Э. А. По (1809–1849). Как подметил С. Т. Джоши, Э. А. По в своем творчестве удалось сместить фокус с географии, которая в традиционном готическом романе была доминантой повествования, на человеческий разум [Пушкина, 2015, С. 320-330.].

В творчестве Э. А. По произошло переосмысление категории ужасного в виде смещения внимания от внешнего к внутреннему при изображении ужаса. Несмотря на это, в его произведениях отражается характерный для готического сюжета мрачный, ужасающий антураж и наличие сверхъестественных сил, но речь идет об особом акценте на психологическое состояние героя, положение которого подобно кошмарному сну, где размыты границы реальности и безумия. Творчество Эдгара Алана По в значительной степени оказало влияние и на таких видных представителей неоготической литературы XX в., как Г. Лавкрафт, С. Кинг и др.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужила новелла Э. А. По «Колодец и маятник». В настоящей работе используются следующие методы: теоретические – аналогия, классификация, обобщение, анализ и синтез; эмпирические – описательный метод, метод сплошной выборки.

3. Анализ

Нами была рассмотрена новелла Э. По «Колодец и маятник». Выбор подобного названия для новеллы обусловлен выбором препятствий для героя - оба предмета в темнице поначалу сулят герою смерть. Из названия можно выделить главные символы новеллы: колодец подобен аду, камера

пыток – символ чистилища; маятник можно рассматривать как силу, карающую героя, то, что поможет герою пройти очищение души (образ «чистилища»). Также можно обратить внимание на образ генерала Лассалья, который в новелле стал избавителем для героя от гибели и заточения.

Э. А. По в произведении отходит от канонов жанра: внутренний мир героя раскрыт автором, чего нет в традиционной новелле, в остальном автор следует канонам, характерным для новеллы (это небольшая история, описывающая одно событие, где есть остросюжетность, неожиданный финал и отсутствие четкой авторской позиции, не более трех действующих лиц).

Главному герою инквизиция вынесла смертный приговор. После оглашения решения судей, он теряет сознание. Некие "высокие фигуры" несут его вниз, предположительно в подвал или подземелье, где герой находится на грани смерти, но чудом остается жив, несмотря на два испытания. Сначала он не связан путами, удивлен, что не подвержен публичному сожжению, а брошен в темницу. Его одолевают мысли о мучительной смерти, он изучает место своего заточения, обходя вдоль стен, находит хлеб и кувшин с водой. Он чудом избегает смерти в вырытом для его смерти колодце, который был обнаружен им в центре его заточения при попытке пересечь комнату по диагонали.

Второе испытание для героя-узника – «борьба» с маятником, с помощью которого инквизиторами была предпринята попытка наказать главного героя, и сужающиеся стены тюрьмы. Заключенный, терзаемый жаждой, уже связан инквизиторами, находится на грани смерти из-за постепенно опускающегося до него огромного маятника с прикрепленным к нему серпом, который он замечает над собой, а рядом с ним в качестве дополнительной пытки лежит кусок пряного мяса. Крысы в тот момент представляют для узника такую же опасность, приближаясь на запах. Герою удается выбраться из пут – крысы частично перегрызают их, но стены вокруг него накаляются и начинают сжиматься, подталкивая героя к колодцу. В последний миг герою приходит помощь в лице генерала Лассалья.

Таинственный, полный напряжения сюжет и символы новеллы передают типичный для писателя идейный замысел – борьба со смертью, мотив борьбы сил добра и зла: «*Then a strong desire to lapse into insensibility. Then a rushing revival of soul and a successful effort to move*». Но под смертью писатель понимает не физическое умирание, а смерть грешной души.

Произведению предпослан эпиграф, играющий важную роль: «*Клика злодеев здесь долго пыткам народ обрекала И неповинную кровь, не насыщаясь, пила. Ныне отчизна свободна, ныне разрушен застенок, Смерть попирая, сюда входят и благо и жизнь*» - «*Четверостишие, сочиненное для ворот рынка, который решили построить на месте Якобинского клуба в Париже*». Он не только погружает читателей в определенное эмоциональное состояние, но и дает надежду на счастливый финал.

Повествование в новелле ведется от лица героя. В новелле проявились характерные для жанра черты.

Ужасное представлено в лице инквизитора, которые предпринимал попытки уничтожить героя, в новелле показан мотив личной мести.

Главному герою инквизиция вынесла смертный приговор. Мы не знаем, является ли он преступником, какова его жизнь, что стоит за его душой. Ни имя героя, ни его преступление не называется – таким образом автор заставляет читателя почувствовать себя частью повествования, обострить его чувства.

Отчуждение человека от мира происходит после оглашения решения судей, когда "высокие фигуры" несут его вниз, предположительно в подвал или подземелье, он предпринимает попытки выжить, что сопровождается противом, характерным для готического романа: отсутствие возможности противостоять силам.

Страх внушается читателям благодаря сосредоточенности на чувствах главного героя – в этом состоит способ нагнетания страха. Особенно сильное впечатление производит сцена, в которой крысы грызут ремень:

They pressed — they swarmed upon me in ever accumulating heaps. They writhed upon my throat; their cold lips sought my own; I was half stifled by their thronging pressure; disgust, for which the world has no name, swelled my bosom, and chilled, with a heavy clamminess, my heart.

Воспоминания становятся инструментом, которым автор также пытается довести своего героя до безумия:

And now a full memory of the trial, of the judges, of the sable draperies, of the sentence, of the sickness, of the swoon. Then entire forgetfulness of all that followed; of all that a later day and much earnestness of endeavor have enabled me vaguely to recall.

Используя ужасные приспособления, инквизиция готовит ему пытку страхом и казнью (мотив казни, пыток). Автор создает ряд ярких, эмоциональных состояний, передает зарождение безумной надежды, демонстрирует способность человеческой души бороться до конца против неминуемой гибели.

Новелла имеет особый хронотоп: хронотоп темницы – это замкнутое пространство, заключение героя в рамках фатума, пространство постепенно сужается. Само место действия характеризуется мрачной, нагнетающей ужас обстановкой, что создается благодаря как экстралингвистическим, так и лингвистическим средствам.

Экстралингвистические средства представлены в виде образов:

The entire surface of this metallic enclosure was rudely daubed in all the hideous and repulsive devices to which the charnel superstition of the monks has given rise. The figures of fiends in aspects of menace, with skeleton forms, and other more really fearful images, overspread and disfigured the walls.

Среди лингвистических средств, помогающих передать хронотоп, передать нагнетающую обстановку и придать повествованию динамизм, помогают следующие:

• Повторы, которые создают эффект непрерывного потока мыслей, потока сознания, в котором лишь чувственное восприятие окружающего мира:

I was sick — sick unto death with that long agony; and when they at length unbound me, and I was permitted to sit, I felt that my senses were leaving me. The sentence — the dread sentence of death — was the last of distinct accentuation which reached my ears (повторение одних и тех же слов, что поначалу держит читателя в напряжении и подводит его в неожиданной развязке)

«They appeared to me white — whiter than the sheet upon which I trace these words — and thin even to grotesqueness; thin with the intensity of their expression of firmness — of immoveable resolution — of stern contempt of human torture».

• Использование слов с семантикой мрака, смерти, страха и ужаса, которыми насыщено произведение:

A fearful idea now suddenly drove the blood in torrents upon my heart, and for a brief period, I once more relapsed into insensibility.

«Perspiration burst from every pore, and stood in cold big beads upon my forehead».

• Эпитеты

...a few moments of delirious horror, the soft and nearly imperceptible waving of the sable draperies which enwrapped the walls of the apartment.

It was a wall, seemingly of stone masonry — very smooth, slimy, and col».

At the same time my forehead seemed bathed in a clammy vapor, and the peculiar smell of decayed fungus arose to my nostrils.

• Гиперболы

«...merged in one dreamy indeterminate hum», «for presently I heard no more» - передача звуков вокруг героя

I saw the lips of the black-robed judges. They appeared to me white — whiter than the sheet upon which I trace these words — and thin even to grotesqueness; thin with the intensity of their expression of firmness — of immoveable resolution — of stern contempt of human torture.

• Метафоры

«thin with the intensity of their expression of firmness», «there came a most deadly nausea over my spirit», «every fibre in my frame»

Автору важно сосредоточить внимание читателей на обстановке темницы, вызвать страх, развитие действия – «захлопывающаяся ловушка», в которой постепенно оказывается герой.

Зачастую герои Э. По описываются через их внутренний мир, мысли, чувства, психические состояния («Arousing from the most profound of slumbers, we break the gossamer web of some dream. Yet in a second afterward, (so frail may that web have been) we remember not that we have dreamed.»), a

описание внешнего облика - это фон для внутреннего состояния, что встречается у писателя крайне редко.

Герой находится в плену не только пространства, но и времени : прошлое всегда вливается в настоящее через пространство литературного произведения, через сюжетно-психологическое содержание (мучительные размышления мужчины) — усиливает ощущение погружения в пугающую таинственную ирреальность («Amid frequent and thoughtful endeavors to remember; amid earnest struggles to regather some token of the state of seeming nothingness into which my soul had lapsed, there have been moments when I have dreamed of success; there have been brief, very brief periods when I have conjured up remembrances which the lucid reason of a later epoch assures me could have had reference only to that condition of seeming unconsciousness.»).

Главный герой ожидает опасности каждый раз, когда находится на грани смерти – так реализуется мотив «ожидания опасности, бедствия». Сознание героя, отделенное от мира, обращенное на себя и свои эмоции, обостренные одиночеством, служат основным пространственно-временным измерением в рассказе.

Читателю сложно сконцентрироваться на действии. Автор обращается к средствам, которые помогают передать неустойчивое психофизическое и психоэмоциональное состояния героя. Создать мрачное настроение и тревожный тон ожидания страшных событий, усилить их значение для читателя автору удается благодаря следующим средствам:

●Олицетворение (окутывающая узника темнота)

«The blackness of eternal night encompassed me»

«The intensity of the darkness seemed to oppress and stifle me»

●Повтор

«They appeared to me white — whiter than the sheet upon which I trace these words - and thin even to grotesqueness».

●Сравнение

«in fancy with the burr of a mill wheel»

«seemed white and slender angels who would save me»

«as if I had touched the wire of a galvanic battery»

«And then I fell suddenly calm, and lay smiling at the glittering death, as a child at some rare bauble.»

«Upon my recovery, too, I felt very — oh, inexpressibly sick and weak, as if through long inanition.»

●Полисиндетон

I was sick — sick unto death with that long agony; and when they at length unbound me, and I was permitted to sit, I felt that my senses were leaving me.

At first they wore the aspect of charity, and seemed white and slender angels who would save me; but then, all at once, there came a most deadly nausea over my spirit, and I felt every fibre in my frame thrill as if I had touched the wire of a

galvanic battery, while the angel forms became meaningless spectres, with heads of flame, and I saw that from them there would be no help.

•Перифраз

*«...all sensations appeared swallowed up in a mad rushing descent as of the soul into Hade».*s

•Метафоры

«A burning thirst consumed me, and I emptied the vessel at a draught». « A deep sleep fell upon me — a sleep like that of death».

«The plunge into this pit I had avoided by the merest of accidents, I knew that surprise, or entrapment into torment, formed an important portion of all the grotesquerie of these dungeon deaths».

«The odor of the sharp steel forced itself into my nostrils»

Говоря об исторической стилизации, стоит отметить, что автор — представитель романтизма, поэтому в новелле использованы приемы, которые применялись другими писателями-романтиками:

•символ

Hades – царство теней, символ смерти

•эпитеты, передающие состояние героя:

«Yet, for a while, I saw; but with how terrible an exaggeration!»

«...thin with the intensity of their expression of firmness — of immovable resolution — of stern contempt of human torture».

Для типичного готического романа (рассказа) характерен трагический финал (смерть героя). Э. По в своем творчестве выступает новатором: герой освобождается от ремней с помощью крыс, привлеченных запахом пряного мяса; и оказывается в пограничном состоянии (герой оказывается между накаляющимися и приближающимися стенами темницы и колодецем, куда мог упасть в любой момент), в последний миг он спасен генералом Лассалем, который ворвался в камеру и лично спас его.

Для ряда готических произведений авторы используют включают следующие элементы, но которые не воплощены Э. По в новелле «Колодец и маятник»: изображаются сверхъестественные явления, в сюжете представлена смерть и ее атрибуты (мертвое тело и его части), сверхъестественные явления (старинные суеверия, чудеса, призраки, колдовские чары, вещие сны)

4. Заключение

Проведенное исследование показало, что в новелле Э. По воплощены ведущие черты жанра «хоррор». Кроме этого, Э. По, сохранив главные черты, ввел психологизм, благодаря которому передается внутренний мир героя, тем самым устанавливается более тесная связь с читателем.

Важным аспектом при анализе является использование лингвистических средств, которые представлены в преобладающем количестве, среди

которых в новелле представлены следующие: метафоры, эпитеты, гиперболы, сравнения, повторы. Данные средства являются инструментом писателя в данной новелле, которые помогают в передаче нагнетающей обстановки тюрьмы, внутреннего состояния персонажа (его душевных метаниях, забытости и проч.), поначалу принявшего свое положение, но после готового бороться за жизнь.

Список литературы

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1975. – 506 с. – Текст: непосредственный.

Куликова, Д. Л. Жанровые характеристики хоррора (на материале прозы А. В. Иванова) / Д. Л. Куликова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 5. – С. 165–172.

Мамонтова, Г. И. Культурно-историческая и психологическая основа жанра страшилок / Г. И. Мамонтова. – Текст: непосредственный // Сибирский фольклор. – Новосибирск : НГПИ, 1981. – С. 55–62.

Марьина, О. В. Жанровое своеобразие первичных и вторичных текстов страшилок / О. В. Марьина, Т. П. Сухотерина. – Текст : непосредственный // Филология и человек. – 2018. – № 4. – С. 102–112.

Матвеева, Э. Г. Когда душа в пятках, а глаза на лбу: маркеры страха и режимы вовлечения в детских страшных историях / Э. Г. Матвеева. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия "История. Филология. Культурология. Востоковедение". – 2017. – № 12. – С. 120–129.

Назарова, Ю. В. Культурные и этические истоки концепта ужаса (на материалах англоязычной литературы жанра horror) / Ю. В. Назарова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2016. – № 2(18). – С. 29–34.

Петренко, С. Н. Пространство страшного в современном фольклоре и литературе / С.Н. Петренко, А.Х. Гольденберг. – Текст : непосредственный // Восток – Запад: типология пространства в русской литературе и фольклоре / отв. ред. Н. Е. Тропкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013 – С. 222–230.

Пушкина, А. А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 2. – С. 319–330.

Рац, А. Д. Квантитативный анализ употребления метафоры в коротких рассказах жанра "хоррор" (диахронический аспект) / А. Д. Рац. – Текст: непосредственный // Смоленский филологический сборник. – 2021. – № 13. – С. 50–63.

Сергийчук, С. А. Зарождение жанра хоррор в контексте англоязычной литературы / С. А. Сергийчук. – Текст: непосредственный // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2016. – № 12-4 (20). – С. 137–142.

Malykh, V. S. Russian and American horror fiction as a genre, creative writing and educational phenomenon: a problem statement. – Текст: непосредственный / V. S. Malykh // Russian Journal of Multilingualism and Education. – 2019. – Т. 11. – С. 63–69.

Prohászková, V. The Genre of Horror / V. Prohászková. – Текст : непосредственный // American International Journal of Contemporary Research. – 2012. – Vol. 2. – № 4. – P. 132–142.

Strinati, D. An Introduction to Studying Popular Culture / D. Strinati. – London : Routledge, 2000. – 290 p. – Текст : непосредственный.

Список источников

Poe, E. A. Complete stories of Edgar Allan Poe. New York : Doubleday, 1966. – 736 p. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 03.02.2022

Статья принята: 05.04.2022

THE GENRE OF "HORROR" IN ENGLISH LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF E. A. POE'S NOVELLA "THE WELL AND THE PENDULUM")

E. A. Kryukova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
kryukova.elena.00@mail.ru

E. R. Borovkova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
rifovna@mail.ru

Abstract. The article discusses the genre of "horror", its history, the characteristic features of the genre on the example of the novella by E. A. Poe "The Well and the Pendulum". During

the analysis, theoretical methods (analogy, classification, generalization, comparative analysis) were used in the study of literature.

It is concluded that the novella presents the main features of the genre. At the same time, it is shown that E. A. Poe is an innovator in this genre.

The analysis showed that in the novella by E. Poe embodies the leading features of the genre; the peculiarity of E. Poe's novella "The Well and the Pendulum" is that, while retaining the main features, he introduced psychologism, thanks to which the inner world of the hero is transmitted, thereby establishing a closer connection with the reader. The article reveals that in order to create the features of the genre in the novel, the author uses both extralinguistic means expressed by images and linguistic means represented by stylistic techniques and expressive means.

Key words: horror, psychologism, chronotope, linguistic means, literary characters.

References

Bahtin, M. M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel]. *Voprosy literatury i estetiki*. Retrieved from <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html>

Kulikova, D. L. (2021). Zhanrovye karakteristiki horrora (na materiale prozy A. V. Ivanova) [Genre characteristics of horror (based on the material of A. V. Ivanov's prose)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 5, 165–172.

Malykh, V. S. (2019). Russian and American horror fiction as a genre, creative writing and educational phenomenon: a problem statement. *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 11, 63–69.

Mamontova, G. I. (1981). Kul'turno-istoricheskaya i psihologicheskaya osnova zhanra strashilok [The cultural-historical and psychological basis of the genre of horror stories]. In *Sibirskiy Foklor* (pp. 55–62). Novosibirsk: NGPI.

Mar'ina, O. V., Suhoterina, T. P. (2018). Zhanrovoe svoeobrazie pervichnyh i vtorichnyh tekstov strashilok [Genre originality of primary and secondary texts of horror stories]. *Filologiya i chelovek*, 4, 102–112.

Matveeva, E. G. (2017). Kogda dusha v pyatkah, a glaza na lbu: markery straha i rezhimy вовлечения v detskih strashnyh istoriyah: markery straha i rezhimy вовлечения v detskih strashnyh istoriyah [When the soul is in the heels, and the eyes are on the forehead: markers of fear and modes of involvement in children's horror stories]. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie"*, 12, 120–129.

Nazarova, Yu. V., Kudinova, E. B. (2016). Kul'turnye i eticheskie istoki koncepta uzhasa (na materialah angloyazychnoj literatury zhanra horror) [Cultural and ethical origins of the horror concept (based on the materials of the English-language horror genre literature)]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, № 2(18), 29–34.

Petrenko, S. N., Goldenberg, A. H. (2013). Prostranstvo strashnogo v sovremennom fol'klоре i literature [The space of the terrible in modern folklore and literature]

literature]. In N. E. Tropkina (Ed.), *Vostok – Zapad: tipologiya prostranstva v russkoj literature i folklore* (pp. 222–230). Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena».

Poe, E. A. (1966). *Complete stories of Edgar Allan Poe*. New York: Doubleday.

Prohászková, V. (2012). The Genre of Horror. *American International Journal of Contemporary Research*, 2(4), 132–142.

Pushkina, A. A. (2015). Goticheskij roman i zarozhdenie neogoticheskogo napravleniya v kul'ture [The Gothic Novel and the emergence of the Neo-Gothic trend in culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2(2), 319–330.

Rac, A. D. (2021). Kvantitativnyj analiz upotrebleniya metafory v korotkih rasskazah zhanra "horror" (diahronicheskij aspekt) [Quantitative analysis of the use of metaphor in short stories of the horror genre (diachronic aspect)]. *Smolenskij filologicheskij sbornik*, 13, 50–63.

Sergijchuk, S. A. (2016). Zarozhdenie zhanra horror v kontekste angloyazychnoj literatury [The origin of the horror genre in the context of English literature]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, 12-4 (20), 137–142.

Strinati, D. (2000). *An Introduction to Studying Popular Culture*. London: Routledge.

Submitted: 03.02.2022

Accepted: 05.04.2022

УДК 8.81.119.

КОНЦЕПТ «ЗДОРОВЬЕ» В СОЗНАНИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

С. М. Чебенева

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
e-mail: sonia.chebenewa2010@yandex.ru

Н. М. Чудакова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
e-mail: chudakova_nelli@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты экспликативного эксперимента, проведенного с целью выявления особенностей восприятия концепта «Здоровье» русской языковой личностью. Исследование показало, что у большинства носителей русского языка данный концепт ассоциируется с физической активностью, отсутствием болезней, правильным питанием, наличием энергии и благополучием физического и духовного состояния. Меньшая часть опрошенных связывает здоровье с положительными эмоциями, здоровым образом жизни, гармонией, красотой и иммунитетом. Среди единичных ответов были отмечены такие ассоциации, как наследственность, лекарство, хорошее настроение, поликлиника, режим дня. В работе выделены основные признаки концепта «здоровье», произведено ранжирование их значимости, описана полевая модель концепта «Здоровье». Также исследование показало, что старшее поколение знает значительно больше паремий, связанных с исследуемым концептом.

Ключевые слова: концепт, концептуальная картина мира, языковая картина мира, языковая личность, психолингвистическое исследование, ассоциативный эксперимент, методика семной интерпретации, методика концептуального анализа.

1. Введение

На современном этапе развития лингвистики активно разрабатываются приемы концептуального анализа. Научные работы, ориентированные на анализ ключевых концептов, составляющих основу концептосферы нации,

позволяют исследователям выйти на новую ступень систематизации культурных ценностей, выявить закономерности отношений между языковой и концептуальной картинами мира.

Наиболее востребованным в современном языкознании является изучение общественно значимых концептов, однако такой важный концепт, как «здоровье», не получил достаточного освещения в когнитивных исследованиях. Кроме того, изучение данного концепта значимо в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в мире, распространением коронавирусной инфекции, повышением интереса людей к проблемам здоровья в целом и вирусным эпидемиям в частности.

С одной стороны, концепты отражают культурно-специфичные и закрепленные в языке особенности восприятия действительности, но, с другой стороны, они сами подвергаются трансформации под влиянием факторов текущей ситуации, объединяемых понятием экстралингвистического контекста.

Цель настоящего исследования — выявить и описать психологически реальное значение концепта «здоровье» в сознании русской языковой личности на современном этапе. Для достижения поставленной цели необходимо решить две задачи. В теоретическом плане — определить концепт как основное понятие настоящего исследования, а в практическом – провести психолингвистическое исследование рассматриваемого концепта в русском языковом сознании.

2. Материал и методика исследования

Эмпирические исследования проводились среди русскоязычного населения: молодежи (18–30 лет), взрослых (31–55 лет) и пожилых (56 лет и старше) людей. В них приняли участие русские языковые личности в количестве 62 человек, из которых молодых людей — 23 человека, взрослых людей — 28 человек, пожилых людей — 11 человек.

В ходе исследования были использованы следующие методики:

1. Методика семной интерпретации свободного ассоциативного эксперимента И. А. Стернина и А. В. Рудаковой.

Методика семной интерпретации ответов в ходе ассоциативного эксперимента предполагает разъяснение полученных ассоциаций как репрезентации слова-стимула. Полученные ассоциативные реакции трактуются как семы, спроектированные на слово-стимул. В процессе анализа производится обобщение полученных результатов: ассоциации, которые близки по семантике, различно воплощающие тот же самый семантический элемент, интерпретируются как разное металингвистическое воплощение одной семы, выявляется соответствующая сема. Затем складывается количество использованных единиц, сходных по семантике, и проводятся количественные подсчеты.

Семантическая интерпретация результатов эксперимента включает следующие последовательные операции:

– семемная атрибуция ассоциативных реакций (объединение ассоциативных реакций, объективирующих отдельные значения в семантеме слова-стимула, и установление отдельных значений слова, актуализованных в эксперименте);

– семная интерпретация ассоциативных реакций, объективирующих то или иное выделенное значение (обобщение и интерпретация ассоциативных реакций как сем)» [Стернин и др., 2010, с. 131–141].

2. Методика концептуального анализа (по А. Ю. Петкаю [2015]).

Данная методика предполагает описание концепта по результатам эмпирического исследования. Методика предполагает, что участникам эксперимента будут задаваться вопросы, содержащие сконструированные ситуации, на которые им требуется дать развернутый ответ:

1. Как вы объясните маленькому ребенку, что такое здоровье?

2. Как вы объясните другу-иностранцу, что в вашей стране подразумевается под словом «здоровье»? (ответ приводится на русском языке).

Исходя из выбранной методики мы также попросили участников эксперимента вспомнить пословицы и поговорки со словом «здоровье».

Этапы анализа полученных ответов по данной методике:

1) выявление семантики ассоциатов;

2) обобщение когнитивных признаков по близости значений;

3) определение яркости признака;

4) обобщение и классификация близких по содержанию признаков, определение их яркости.

Полученные в ходе эмпирического исследования ответы позволяют дать многостороннюю характеристику структуры концепта «Здоровье». Во-первых, дается описание внутренней структуры концепта за счет создания структуры когнитивных признаков по их образности и интерпретационному полю. Во-вторых, посредством построения иерархии когнитивных признаков складывается категориальная структура концепта. В-третьих, выделение ядра, приядерной зоны, ближайшей и дальней периферии позволяют интерпретировать полевую структуру признаков концепта.

3. Понятие концепта

Слово «концепт» в переводе с латинского языка означает «понятие, зачатие» (от глагола *concipere* — «зачинать»). В русский язык этот термин ввел С. А. Аскольдов в 1928 году в статье «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь» [Аскольдов, 1997, с. 269]. Данная статья стала основополагающей с точки зрения подхода в современной науке. Однако предложенное С. А. Аскольдовым понятие долгое время не использовалось в русском языкознании. Только спустя десятилетия термин «концепт» появился в работах исследователей по когнитивной лингвистике (Р. И. Павлениса, М. А. Холодной).

Общепризнанным термин «концепт» стал в языкознании в начале 1990-х годов благодаря научным работам Д. С. Лихачева и Ю. С. Степанова.

Д. С. Лихачев писал, что концепт существует для каждого лексического значения слова отдельно и рассматривал концепт как алгебраическое выражение значения, используемое в речи. Филолог полагал, что человек не может передать значение в полной мере, порой понимает его исключительно исходя из социальных условий [Лихачев, 1997, с. 281]. Ю. С. Степанов концепт определял как культурно-ментально-языковое образование в человеческом сознании. Он рассматривал концепт как совокупность представления, понятия, знания и воображения, которые влечет за собой данное слово [Степанов, 2001, с. 14].

В лингвокультурологии исследованием концептов занимались Н. Д. Арутюнова, З. Х. Бижева, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Г. В. Токарев, Р. М. Фрумкина и др. Все названные исследователи рассматривают концепты как мыслительные единицы, возникающие в сознании человека под влиянием определенных факторов. Концепт, являясь основным понятием лингвокультурологии, прочно утвердился в языкознании, однако до сих пор нет единого понимания значения данного термина.

В научных трудах Н. Д. Арутюновой концепт, будучи понятием обыденной философии, является результатом взаимодействия фольклора, религии, национальных традиций, ощущений и ценностей. Для исследователя концепт — это вид мировоззренческого термина, который закрепился в языке и отражает духовную культуру народа [Арутюнова, 1993, с. 3–6].

По З. Х. Бижевой концепт — это такое понятие, которое отражает видение языковой личностью окружающей действительности под влиянием традиций данной культуры. Исследователь среди лингвокультурологических свойств концепта выделяет постоянство существования, художественную образность, сохранение синкретизма значений корня и нахождение в системе составляющих данной культуры [Бижева, 2004, с. 14].

У А. Вежбицкой концепт описывается в качестве объекта идеального мира, имеющего свое название, которое создается посредством семантических данных и отражает культурные представления об окружающей действительности [Вежбицкая, 1999, с. 549].

По С. Г. Воркачеву концепт представляет собой отдельный предмет коллективного сознания, отраженный в языке и обладающий культурно-этническим свойством [Воркачев, 2004, с. 51].

В. И. Карасик определяет концепт как многогранное идейное образование, включающее в себя ценностную, образную и понятийную стороны [Карасик, 2004, с. 109].

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин приводят в своих научных работах отношение сознания, концепта и языка: сознание — место нахождения концепта; концепт — когнитивное отражение культуры; язык — область опредмечивания концепта. По мнению лингвистов, лингвокультурный концепт, в отличие от иных используемых понятий, включает ментальность, именно

поэтому они рассматривают концепт как ментальное образование с преимущественным ценностным свойством [Карасик, Слышкин, 2005, с. 76–77].

По В. А. Масловой концепт — это основной элемент картины мира, сложившийся под влиянием культуры, который имеет значение для языковой личности и для лингвокультурного сообщества в целом [Маслова, 2001, с. 51].

Г. В. Токарев в рамках культурно-семиотического подхода трактует концепт как универсальную, многогранную ментальную единицу, характеристикой которой является обусловленность культурно-историческим процессом, наличие внутренней структуры, несходность содержания, большой объем и выражение различными знаково-символическими репрезентациями [Токарев, 2009, с. 15].

Лингвисты демонстрируют разнообразные взгляды относительно структуры лингвокультурного концепта.

С. В. Иванова в структуре концепта выделяет лингвистический, когнитивный, культурологический и психологический аспекты и отмечает, что оценка ценностей является базовым условием образования концепта [Иванова, 2003, с. 184].

В. И. Карасик рассматривает концепт как многомерное лингвистическое образование, включающее понятийную основу, внутреннюю форму, дистрибутивные свойства, валентностные связи и культурологические свойства [Карасик, 2004, с. 29]. Лингвист также выделяет такие аспекты структуры концепта, как понятийный — название концепта в языке; образный — восприятие особенностей, которые есть в сознании, или представлений предметов и событий через органы чувств; ценностный — значимость концепта для человека и общества [Карасик, 2004, с. 76].

По Ю. С. Степанову структуру концепта составляет этимология, история за счет базовых признаков содержания, представления и оценки [Степанов, 2001, с. 41].

Г. В. Токарев отмечает два вида содержания концепта: компоненты знания, являющиеся ценностью для всех; национально-специфические знания, свойственные конкретной языковой группе [Токарев, 2009, с. 16].

В. А. Маслова рассматривает универсальный, национально-культурный, социальный, групповой, индивидуально-личностный элементы концепта [Маслова, 2008, с. 45].

На современном этапе развития лингвистики в структуре концепта рассматривают ядро, приядерную зону и зону периферии. По В. И. Карасику и Г. Г. Слышкину концепт выявляется вокруг общепринятого мнения, которое окружают воображаемые векторы. Важнейшие из этих векторов определяют ядро концепта, менее значимые — периферию. Чем больше расстояние от ядра, тем менее яркими становятся ассоциации. Наименование концепта дает единица языка или речи, которая обновляет центральную точку [Карасик, Слышкин, 2005, с. 76–77].

Основой для классификации концептов могут служить различные критерии.

Например, Т. В. Гоннова классифицирует концепты по критерию отнесенности к внутренней и внешней оценке и получает регулятивные концепты («труд», «подвиг», «счастье»), выражающие внутреннюю оценку; параметрические — связаны с культурными понятиями за счет связующего элемента («возраст», «статус», «время», «пространство») [Гоннова, 2007, с. 483].

Д. С. Лихачев концепты классифицирует по социологическому основанию. Академик выделяет универсальные («смерть», «жизнь»), этнические («отчизна», «интеллигенция»), групповые («сцена» для актера и зрителя), индивидуальные (определяющие уровень культуры и систему ценностей определенного человека) концепты [Лихачев, 1997, с. 284–285].

Принадлежность к сфере обслуживания сознания берет в основу своей классификации концептов Ю. С. Степанов. Лингвист отмечает, что единицы языка, участвующие в образовании содержания культурных ценностей, возможны и внутри одного языка, и в границах межъязыкового стиля мышления [Степанов, 1997, с. 51].

Наиболее распространенным является разделение концептов на универсальные и национальные. Универсальные концепты — это общечеловеческие знания, в них отсутствует культурная специфика (добро — зло, радость — горе, любовь — ненависть). Национальные концепты ориентированы на конкретный этнос.

А. Вежицкая выделяет концепты-автохтоны — это такие концепты, в значении которых присутствуют и общие, и национальные составляющие; и протоконцепты — это универсальные концепты [Вежицкая, 1999, с. 23].

Д. С. Лихачев ввел понятие концептосферы, которое означает совокупность концептов, отражающих языковую картину мира и общественное языковое сознание нации. Академик писал о том, что концептосфера — не статичное явление, оно регулярно изменяется в течение времени в рамках отдельной нации. Д. С. Лихачев также отмечал, что универсальные концепты, составляющие концептосферу, обеспечивают понимание народов и национальных, свойственных конкретной культуре и закрепленных в языке, традиций и мировоззрения [Лихачев, 1993, с. 51].

Таким образом, концепт является ключевой категорией в описании языковой картины мира в рамках лингвокультурологии. Формируясь неразрывно с личным и культурным опытом, концепты составляют духовное наследие в сознании народа, являются показателем познания окружающего мира, отражают языковую картину и национальный менталитет.

4. Языковая личность как лингвистический термин

Термин «языковая личность» ввел советский лингвист В. В. Виноградов. Среди отечественных языковедов, впоследствии занимавшихся ис-

следованием данного феномена, можно отметить Г. И. Богина, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, К. Ф. Седова и др. Внедрение в понятийный аппарат лингвистики термина «языковая личность» позволило осмыслить знания о языке через формы человеческой деятельности.

На современном этапе развития лингвистики есть несколько аспектов изучения языковой личности [Дедюкова, 2010, с. 24]. Так, С. Г. Воркачев «языковую личность» рассматривал как термин, в трактовке которого содержатся взгляды философии, социологии и психологии на систему физических и духовных качеств человека, значимых для всего общества [Воркачев, 2001, с. 70].

Первоначально отечественным лингвистам феномен языковой личности был интересен только в рамках художественной литературы: характеризовались стили автора и речевая характеристика героя как носителя определенного типа личности. Позднее стали описывать «человека говорящего» и особенности языковых средств, которые выявлялись в различных видах речевой деятельности [Леонтьев, 1999, с. 113].

Современная лингвистика явление языковой личности рассматривает, как правило, в коммуникативном, структурном и стратегическом аспектах.

Г. И. Богин активно исследовал понятие языковой личности, филолог предложил модель личности, в которой индивид оценивается по его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1986, с. 35]. Названная модель предполагает речедетельностную сторону языковой личности. Данную модель анализировал Ю. Е. Прохоров, лингвист отметил, что в модели учитывается «уровень языковой структуры, уровень владения языком и уровни видов речевой деятельности. Однако эта модель не рассматривает саму структуру общения, особенности ее организации и проявления в определенной культурно языковой общности» [Прохоров, 2006, с. 87].

В широкий научный обиход термин «языковая личность» внедрил Ю. Н. Караулов. По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность — «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989, с. 3]. Также лингвист выделяет три структурных уровня языковой личности: вербально-семантический, когнитивный и прагматический. Вербально-семантический уровень предполагает обычное владение естественным языком. Когнитивный уровень — это уровень, единицами которого являются понятия, идеи, концепты (они складываются у каждой языковой индивидуальности в картину мира). Прагматический уровень подразумевает выявление и описание мотивов и целей, которые помогают в развитии языковой личности [Караулов, 1989, с. 8]. Взаимодействие

всех уровней подразумевает создание коммуникативного пространства личности.

Ю. Е. Прохоров коммуникативное пространство определял как «совокупность сфер речевого общения, в котором определенная языковая личность может реализовать необходимые потребности» [Прохоров, 2006, с. 43].

В понятии языковой личности важной становится мысль о том, что языковая личность в естественной речевой деятельности является парадигмой речевых личностей и обобщенным инвариантом составляющих ее параметров. Инвариантом языковой личности может быть по теории В. И. Карасика «базовый национально-культурный прототип носителя языка» [Карасик, 1994, с. 4].

Словарь, представленный на страницах литературного произведения, не может в полной мере отражать языковую компетенцию писателя.

В парадигме речевых личностей существует личность коммуникативная, которую С. А. Сухих определяет «совокупностью особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения» [Сухих, 1997, с. 17]. Е. Ю. Прохоров подтверждает правильность приведенного определения и считает, что оно полностью характеризует коммуникативную личность [Прохоров, 2006, с. 56].

Трехуровневая модель языковой личности Ю. Н. Караулова в определенном смысле соотносима с тремя типами коммуникативных потребностей: контактоустанавливающих, информационных и воздействующих [Караулов, 1989, с. 57].

Трехуровневая концепция языковой личности является отражением обобщенного типа личности. Языковая личность считается многослойной и многокомпонентной парадигмой речевых личностей. Причем речевой личностью называют языковую личность в парадигме реального общения, в речевой деятельности. В языковую личность входят ценностные, мировоззренческие компоненты. Язык позволяет обрести изначальную и существенную позицию на мир. Под культурологическим компонентом понимается степень усвоения культуры в качестве действующего способа повышения внимания к языку. Под личностным компонентом подразумевают уникальное, глубинное, которым обладает каждый человек [Прохоров, 2006, с. 51].

У определенной языковой личности есть конкретный лексикон, слова которого употребляются с разной частотностью. Словарный запас и манера общения могут показать принадлежность к определенному обществу [Кусаинова, 2009, с. 120].

Т. В. Матвеева среди единиц языка и речи, которые составляют суть термина «языковая личность», выделяет три типа: вербально-грамматический, когнитивный и прагматический. Вербально-грамматический тип —

это выборка личностью активного словаря, словосочетаний и синтаксических конструкций; когнитивный тип — это понятия, идеи, концепты, формирующиеся в картину мира в сознании конкретной личности; прагматический тип — это усвоение законами норм в различных ситуациях коммуникации [Матвеева, 1990, с. 109].

Языковая личность действует в рамках культуры, которая отражена в языке, в формах научного и бытового общественного сознания, в образцах поведения и нормах и в объектах материальной культуры [Кусаинова, 2009, с. 122].

Доктор филологических наук В. В. Красных разработала следующие компоненты языковой личности:

1) человек говорящий (речевая деятельность — один из видов деятельности);

2) собственно языковая личность (личность, которая проявляет себя в речевой деятельности);

3) речевая личность (личность, которая создает себя в общении, выбирает стратегию и манеру коммуникации);

4) коммуникативная личность (конкретный участник речевого акта).

Стратегическая тенденция исследования языковой личности использует речемыслительные процессы воплощения способности языка человека, которые обнаруживаются при распознавании слова-стимула [Красных, 1997, с. 37].

На современном этапе развития теории языковой личности существуют различные их типологии. Лингвисты отбирают совершенно разные критерии и получают различную типологию языковых личностей: полилектная («многочеловеческая») и идиолектная («частночеловеческая») личности (В. П. Нерознак); этносемантическая личность (С. Г. Воркачев); диалектная языковая личность (В. Н. Лютикова); элитарная языковая личность (О. Б. Сиротина, Т. В. Кочеткова); русская языковая личность (Ю. Н. Караулов); языковая и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова); словарная языковая личность (В. И. Карасик); эмоциональная языковая личность (В. И. Шаховский); типы личностей *homo ludens* (Т. А. Гридина) и т. д.

Таким образом, понятие «языковая личность» преобладающая часть ученых-лингвистов рассматривает для обозначения группы носителей языка,

характеризуемых на основе анализа произведенных ими текстов с точки зрения использования в этих текстах языковых средств для концептуализации окружающей действительности.

5. Анализ результатов эмпирического исследования концепта «здоровье» в сознании русской молодежи, взрослых и пожилых людей.

Исследование концепта «здоровье» проводилось при помощи методики направленного ассоциативного эксперимента. Участникам эксперимента был задан вопрос: «Какая ваша первая ассоциация со словом *здоровье*?»

Этап I. Формирование ассоциативного поля стимула ЗДОРОВЬЕ.

Здоровье – это *спорт* (6), *ничего не болит* (5), *правильное питание* (5), *энергия* (4), *физическое и духовное благополучие* (4), *счастье* (3), *радость* (3), *здоровый образ жизни* (3), *гармония души и тела* (3), *отсутствие болезней* (3), *активность* (2), *жизнь* (2), *красота* (2), *иммунитет* (2), *главное в жизни* (2), *без вредных привычек* (1), *генетические данные* (1), *движение* (1), *лекарства* (1), *овощи* (1), *отличное настроение* (1), *ощущение* (1), *поликлиника* (1), *прекрасное настроение* (1), *режим дня* (1), *сердце* (1), *солнце* (1), *сон* (1), *уверенность* (1), *успех* (1), *физические и умственные нагрузки* (1), *фрукты* (1), *хорошее* (1), *хорошее самочувствие* (1), *ценность* (1), *самочувствие* (1), *ягоды* (1).

Этап II. Семная интерпретация ассоциатов как сем.

Семантема концепта «здоровье» включает в себя следующие семы:

- Физическая активность (*спорт* – 6; *движение*, *физические нагрузки* — 1);
- Отсутствие болевых ощущений (*ничего не болит* — 5);
- Правильное питание (*правильное питание* — 5; *овощи*, *фрукты*, *ягоды* — 1);
- Наличие энергии (*энергия* — 4);
- Благополучие (*физическое и духовное благополучие* — 4);
- Ощущение счастья (*счастье* — 3);
- Чувство радости (*радость* — 3);
- Здоровый образ жизни (*здоровый образ жизни* — 3; *отсутствие вредных привычек* — 1);
- Чувство гармонии души и тела (*гармония души и тела* — 3);
- Отсутствие болезней (*отсутствие болезней* — 3);
- Состояние активности (*активность* — 2);
- Жизнь (*жизнь* — 2; *главное в жизни* — 2);
- Красота (*красота* — 2);
- Иммуитет (*иммуитет* — 2);
- Наследственность (*генетические данные* — 1).
- Возможность поправить здоровье лекарством (*лекарство* — 1);
- Превосходное настроение (*отличное настроение*, *прекрасное настроение* — 1);
- Возможность обращения в поликлинику за помощью (*поликлиника* — 1);
- Соблюдение режима дня (*режим дня* — 1);
- Самочувствие (*самочувствие*; *хорошее самочувствие* — 1).

Некоторые ассоциаты не поддаются однозначной интерпретации, поскольку отражают индивидуальный, субъективный опыт испытуемых. В данном случае на этом основании не интерпретируются как семы единичные субъективные ассоциации: *ощущение, сердце, солнце, уверенность, ценность*.

Этап III. Семемная атрибуция полученных семантических компонентов.

На этом этапе семы были сгруппированы по принципу общей денотативной отнесенности.

Первая группа сем (связанные с чувством и ощущением): ничего не болит (5), физическое и духовное благополучие (4), энергия (4), гармония души и тела (3), хорошее самочувствие (1), самочувствие (1), ощущение (1), ценность (1), хорошее (1), уверенность (1).

Вторая группа сем (связанные с положительными эмоциями): радость (3), счастье (3), отличное настроение (1), прекрасное настроение (1).

Третья группа сем (связанные с физической и умственной деятельностью): спорт (6), активность (2), движение (1), физические и умственные нагрузки (1).

Четвертая группа сем (связанные с местом здоровья в жизни): жизнь (2), главное в жизни (2).

Пятая группа сем (связанные со составляющими здоровья): здоровый образ жизни (3), иммунитет (2), красота (2), без вредных привычек (1), генетические данные (1), сердце (1), сон (1), режим дня (1).

Шестая группа сем (связанные с болезнью): отсутствие болезней (3), поликлиника (1), лекарства (1).

Седьмая группа сем (связанные с полезным, сбалансированным питанием): правильное питание (5), овощи (1), фрукты (1), ягоды (1).

Не поддались однозначной интерпретации ассоциаты *солнце* (1) и *успех* (1), поскольку они отражают субъективный опыт испытуемых.

Этап IV. Семное описание содержания и структуры значений.

Семное описание значений на базе выделенных совокупностей сем предполагало связное формулирование значений с ранжированием выделенных семантических компонентов по яркости (количеству выделивших их испытуемых).

1. Связанные с чувством и ощущением (23):

Если у человека не болят тело и душа, то он ощущает себя здоровым.

Ничего не болит (5), физическое и духовное благополучие (4), энергия (4), гармония души и тела (3), хорошее самочувствие (1), самочувствие (1), ощущение (1), ценность (1), хорошее (1), уверенность (1).

2. Связанные с положительными эмоциями (8):

Положительные эмоции – признак хорошего здоровья.

Радость (3), счастье (3), отличное настроение (1), прекрасное настроение (1).

3. Связанные с физической и умственной деятельностью (10):

Физически и умственно активный человек считается здоровым.

Спорт (6), активность (2), движение (1), физические и умственные нагрузки (1).

4. Связанные с местом здоровья в жизни (4):

Здоровье – это самое главное в жизни.

Жизнь (2), главное в жизни (2).

5. Связанные со составляющими здоровья (12):

Здоровый образ жизни и хорошие генетические данные является залогом крепкого здоровья.

Здоровый образ жизни (3), иммунитет (2), красота (2), без вредных привычек (1), генетические данные (1), сердце (1), сон (1), режим дня (1).

6. Связанные с болезнью (6):

Здоровье считается хорошим, когда отсутствуют болезни. Если заболел, нужно обратиться в поликлинику. Вылечиться можно, приняв лекарства.

Отсутствие болезней (3), поликлиника (1), лекарства (1).

7. Связанные с полезным, сбалансированным питанием (8):

Если правильно питаться, то человек будет здоровым.

Правильное питание (5), овощи (1), фрукты (1), ягоды (1).

Этап V. Моделирование семантемы слова.

Полевая стратификация семантемы.

Ядро семантемы: 1. Связанные с чувством и ощущением (23). 2. Связанные со составляющими здоровья (12). Ближняя периферия: Связанные с физической и умственной деятельностью (10). Связанные с полезным, сбалансированным питанием (8). Связанные с положительными эмоциями (8). Крайняя периферия: Связанные с болезнью (6). Связанные с местом здоровья в жизни (4).

Полевая стратификация семем.

Количество полученных ассоциатов определяло яркость семем.

1. Чувства и ощущения (23). Ядро: ничего не болит (5), физическое и духовное благополучие (4), энергия (4). Ближняя периферия: гармония души и тела (3). Крайняя периферия: хорошее самочувствие (1), самочувствие (1), ощущение (1), ценность (1), хорошее (1), уверенность (1).

2. Составляющие здоровья (12). Ядро: здоровый образ жизни (3). Ближняя периферия: иммунитет (2), красота (2). Крайняя периферия: без вредных привычек (1), генетические данные (1), сердце (1), сон (1), режим дня (1).

3. Физическая и умственная деятельность (10). Ядро: спорт (6). Ближняя периферия: активность (2). Крайняя периферия: движение (1), физические и умственные нагрузки (1).

4. Положительные эмоции (8). Ядро: радость (3), счастье (3). Крайняя периферия: отличное настроение (1), прекрасное настроение (1).

5. Полезное, сбалансированное питание (8). Ядро: правильное питание (5). Крайняя периферия: овощи (1), фрукты (1), ягоды (1).

6. Болезнь (6). Ядро: отсутствие болезней (3). Крайняя периферия: поликлиника (1), лекарства (1).

7. Место здоровья в жизни (4). Ядро: жизнь (2), главное в жизни (2).

Далее анализировались полученные ответы по толкованию концепта здоровье по приведенным испытуемыми пословицам и поговоркам.

В ходе экспликативного эксперимента, в котором испытуемый должен был растолковать понятие другому человеку, были восстановлены образы, которые связаны со здоровьем в сознании русской языковой личности.

По перцептивному основанию образы разделились на зрительные: *красота*; вкусовые (не менее 14 единиц): *здоровая пища, правильные продукты питания, правильное питание, вкусная еда, полезные овощи и фрукты, отказ от фастфуда и шаурмы*.

Были отмечены и динамические признаки, которые преобладают среди полученных результатов (не менее 35 единиц): *бегать, прыгать, делать зарядку, заниматься спортом, делать физические нагрузки, не пить, не курить, заботиться об организме*.

Выявлены также метафорические характеристики здоровья: *душа поет, здоровый образ жизни, трудоспособность, радость, сила, счастье, бодрость, энергия, гармония, красота*.

Испытуемыми были выделены некоторые категориальные признаки изучаемого концепта, среди них: *самочувствие* (56); *благополучие* (39), *состояние (организма)* (25).

Признаки, которыми характеризовали здоровье участники эксперимента, отражают субъективную позицию, тот аспект здоровья, который значим для отдельно взятой языковой личности. Здесь можно отметить такие признаки концепта, как веселье, радость, хорошее настроение, трудоспособность, занятия спортом, физические нагрузки, зарядка, режим дня, хороший сон, здоровый образ жизни, правильное питание, отсутствие вредных привычек и др.

В ходе эксперимента также было предложено вспомнить пословицы и поговорки о здоровье. На этом этапе было получено 73 единицы материала и 2 отказа от ответа.

Среди ответов чаще всего встречалось выражение, которое описывает образ здорового человека с точки зрения гармонии души и тела: *В здоровом теле — здоровый дух* (20), среди них одно трансформированное выражение: *В здоровом теле — здоровый ум*.

На втором месте по частоте употребления оказались паремические высказывания о невозможности купить здоровье: *Здоровье (за деньги) не*

купишь (12); *Здоровье дороже денег* (8); *Здоровью цены нет* (3); *Здоровье сгубишь — новое не купишь* (1); *Здоровье дороже золота* (1).

На третьем месте оказалась поговорка *Болен — лечись, а здоров — берегись* (4).

Также эксперимент показал, что в сознании русской языковой личности отказ от вредных привычек связывается с залогом хорошего здоровья. Об этом говорят поговорки: *Курить — здоровью вредить!* (3), *Я не пью и не курю, я здоровье берегу* (1).

Было отмечено одно паремическое высказывание, которое содержит в себе иронию: *Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет*.

Далее для описания концепта *здоровье* конкретные когнитивные признаки были сгруппированы по степени выраженности и определены в когнитивные классификаторы.

При анализе ответов по трактовке концепта *здоровье* и паремических высказываний были отмечены такие взаимозависимые классификаторы, как *благоприятное состояние организма* и *здоровый образ жизни*.

В когнитивный классификатор «здоровый образ жизни» входят:

– правильное питание (пища и вода): *правильное питание* (14), *Пейте, дети, молоко — будете здоровы!* (2), *Чистая вода для хвори беда* (1);

– двигательная активность: *занятие спортом* (25), *физическая нагрузка* (2), *зарядка* (3), *бегать, прыгать* (1);

– эффективный распорядок дня: *режим дня* (1), *хороший сон* (1); *защита от попадания в организм бактерий*;

– гигиена (3);

– положительные эмоции: *счастье* (6), *радость* (2), *улыбка* (1), *хорошее настроение* (1);

– отсутствие вредных привычек: *отсутствие вредных привычек* (8), *Я не пью и не курю, я здоровье берегу* (1), *Курить — здоровью вредить!* (3), *не курить* (1).

В отмеченных классификаторах (здоровый образ жизни и благоприятное состояние организма) можно выявить причинно-следственную связь: если вести здоровый образ жизни, то состояние организма будет благоприятным; здоровый образ жизни — это такой образ жизни, который способствует укреплению человеческого организма в целом, следовательно, он обеспечивает хорошее здоровье человека. Выявляется и обратная зависимость: чтобы быть здоровым, нужно вести здоровый образ жизни.

Также анализ полученных ответов позволил выделить такой когнитивный классификатор, как «отсутствие болезней». Данный классификатор делает отсылку к антонимическому концепту — «болезнь». Отмечены

следующие высказывания: *ничего не болит* (12), *когда не болеешь* (4), *отсутствие болезней* (3), *отсутствие серьезных болезней* (1).

Перейдем к описанию полевой структуры концепта *здоровье*.

В структурном отношении в концепте «Здоровье» выявляется ядро — «состояние (организма)» (91). Приядерную зону составили: «физическая активность» (31), «отсутствие болезней» (20). Ближайшую периферию составили: «правильное питание» (17), «отказ от вредных привычек» (13). К дальней периферии относится классификатор «положительные эмоции» (10).

6. Заключение

Подведем итоги. Эмпирическое исследование концепта «здоровье» в сознании русской языковой личности показало, что у многих носителей русского языка данный концепт ассоциируется с физической активностью, отсутствием болезней, правильным питанием, наличием энергии и благополучием физического и духовного состояния. Меньшая часть опрошенных связывает здоровье с положительными эмоциями, здоровым образом жизни, гармонией, активностью, красотой и иммунитетом. Среди единичных ответов были отмечены такие ассоциации, как наследственность, лекарство, хорошее настроение, поликлиника, режим дня и некоторые другие.

На основе семанной атрибуции было выделено семь групп сем, объединяющих ассоциации русских языковых личностей к концепту «здоровье»: связанные с чувством и ощущением, связанные с положительными эмоциями, связанные с физической и умственной деятельностью, связанные со значимостью здоровья в жизни человека, связанные со составляющими здоровья, связанные с болезнью и связанные с полезным, сбалансированным питанием.

Семное описание содержания и структуры значений также позволило сделать некоторые выводы о восприятии концепта «здоровье» русской языковой личностью: если у человека не болят тело и душа, то он ощущает себя здоровым; положительные эмоции — признак хорошего здоровья; физически и умственно активный человек считается здоровым; здоровье — это самое главное в жизни; здоровый образ жизни и хорошие генетические данные — залог крепкого здоровья; здоровье считается хорошим, когда отсутствуют болезни; если заболел, то нужно обратиться в поликлинику; чтобы поправить здоровье, нужно принять лекарство; если правильно питаться, то человек будет здоровым. Ядром семантемы по результатам эмпирического исследования стала группа сем «связанные с чувством и ощущением».

В каждой группе данных были определены ядро, ближняя периферия и крайняя периферия.

Экспликативный эксперимент также показал образы, связанные в сознании русской языковой личности со здоровьем. По перцептивному критерию образы разделились на зрительные и вкусовые. В полученных результатах преобладают динамические признаки. Также отмечаются и метафорические характеристики концепта «здоровье».

Среди категориальных когнитивных признаков исследуемого концепта в сознании русской языковой личности были выявлены состояние (организма), самочувствие и благополучие.

В ходе эксперимента был определен самый частотный афоризм, приведенный носителями русского языка: «В здоровом теле — здоровый дух», отмечающий идеальный гармонический образ здорового человека. Встречались также и паремические высказывания о невозможности купить здоровье, что также отражает специфику отношения русской языковой личности к здоровью. Исходя из приведенных пословиц и поговорок можно сделать вывод о том, что для русской языковой личности значимым является утверждение: болезнь сама не пройдет, а если здоров, то нужно беречь и ценить свое здоровье. Также для носителя русского языка отказ от вредных привычек — залог хорошего здоровья. Отмечены и иронические паремии, связанные со здоровьем.

В ходе анализа полученных данных в рамках толкования концепта «здоровье» было выделено два ярких взаимосвязанных классификатора: «хорошее состояние человека» и «здоровый образ жизни». Отдельно выделен классификатор «отсутствие болезней». Среди классификаторов были определены ядро, приядерная зона и дальняя периферия.

Также исследование показало, что старшее поколение знает значительно больше пословиц и поговорок о здоровье, чем молодое поколение, наибольшее количество пословиц и поговорок было приведено опрошенными в возрасте 56 лет и старше.

Список литературы

Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — Текст : непосредственный.

Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов. — Текст : непосредственный // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — С. 267–279.

Бижева, З. Х. Антропоцентризм культуры — антропоцентризм языка / З. Х. Бижева. — Текст : непосредственный // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. — С. 207–215.

Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 «Теория языка» / Богин Георгий Исаевич ; Калининский государственный университет. — Калинин, 1986. — 86 с. — Текст : непосредственный.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 780 с. — Текст : непосредственный.

Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–73.

Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт : монография / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 236 с. — Текст : непосредственный.

Гоннова, Т. В. Русский язык : исторические судьбы и современность / Т. В. Гоннова. — Текст : непосредственный // Русская языковая картина мира. Труды III Международного конгресса исследователей русского языка. — Москва : Изд-во МГУ, 2007. — С. 483–485.

Дедюкова, М. В. Языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале немецких журнальных текстов) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 «Германские языки» / Марина Валерьевна Дедюкова ; МГУ им. Ломоносова. — Москва, 2010. — 26 с. — Текст : непосредственный.

Иванова, С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 «Теория языка» / Иванова Светлана Викторовна. — Уфа, 2003. — 364 с. — Текст : непосредственный.

Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : ГНОЗИС, 2004. — 389 с. — Текст : непосредственный.

Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Текст : непосредственный // Антология концептов — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. I. — С. 13–15.

Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов. — Текст : непосредственный // Язык и личность. — Москва : Наука, 1989. — С. 3–8.

Красных, В. В. Коммуникативный акт и его структура / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Функциональные исследования : сб. ст. по лингвистике. — 1997. — Вып. 4. — С. 34–49.

Кусаинова, А. М. Языковая личность Герольда Бельгера / А. М. Кусаинова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 30 (168). — Филология. Искусствоведение. — Вып. 35. — С. 118–122.

Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — Москва : Смысл, 1999. — 287 с. — Текст : непосредственный.

Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев. — Текст : непосредственный // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — С. 280–287.

Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 208 с. — Текст : непосредственный.

Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — 172 с. — Текст : непосредственный.

Петкау, А. Ю. Концепт здоровье : модификация когнитивных признаков : по данным газетных и рекламных текстов советского и постсоветского периодов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 «Русский язык» / Петкау Александра Юрьевна ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург, 2015. — 27 с. — Текст : непосредственный.

Прохоров, Е. Ю. Действительность. Текст. Дискурс / Е. Ю. Прохоров. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 224 с. — Текст : непосредственный.

Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Академический проект, 2001. — 990 с. — Текст : непосредственный.

Сухих, С. А. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций / С. А. Сухих, В. В. Зеленская. — Краснодар : Изд-во КубГУ, 1997. — 332 с. — Текст : непосредственный.

Токарев, Г. В. Лингвокультурология : учеб. пособие / Г. В. Токарев — Тула : Изд-во ТГПУ, 2009. — 135 с. — Текст : непосредственный.

Статья получена: 21.02.2022

Статья принята: 02.04.2022

CONCEPT "HEALTH" IN THE MIND OF THE RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS

S. M. Chebeneva

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
e-mail: *sonia.chebenewa2010@yandex.ru*

N. M. Chudakova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
chudakova_nelli@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an explicative experiment conducted to identify the peculiarities of the perception of the concept "Health" by Russian-speaking community. The study showed that the majority of Russian speakers associate this concept with physical activity, the absence of diseases, proper nutrition, energy and well-being of the physical and spiritual state. A minority of respondents associate health with positive emotions, a healthy lifestyle, harmony, beauty and immunity. Among single answers, such associations as heredity, medicine, good mood, polyclinic, daily routine were noted. The paper highlights the main features of the concept "Health", ranks their significance, describes the field model of the concept "Health". The study also showed that the older generation knows much more proverbs associated with the concept under study.

Key words: concept, conceptual picture of the world, language picture of the world, linguistic personality, psycholinguistic research, associative experiment, method of seme interpretation, method of conceptual analysis

References

Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy jazykovyh znachenij : Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.

Askoldov, S. A. (1997). *Koncept i slovo* [Concept and word]. In *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* (pp. 267–279). Moscow: Yazyki ruskoj kul'tury.

Bizheva, Z. H. (2004). *Antropocentrizm kul'tury — antropocentrizm jazyka* [Anthropocentrism of culture – anthropocentrism of language]. In *Russkaja i sopostavitel'naja filologija: sostojanie i perspektivy* [Russian and comparative philology: state and prospects] (pp. 207–215). Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta.

Bogin, G. I. (1986). *Model jazykovej lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov* [The model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts]. [Candidate Dissertation, Kalinin State University].

Dedjukova, M. V. (2010). *Jazykovaja lichnost' v publicisticheskom diskurse (na materiale nemeckih zhurnal'nyh tekstov)* [Linguistic personality in journalistic

discourse (based on German journal texts)]. [Candidate dissertation, Moscow State University].

Gonnova, T. V. (2007). *Russkij jazyk : istoricheskie sud'by i sovremennost'*. In *Russkaja jazykovaja kartina mira* (pp. 483–485). Moscow: Moscow State University.

Ivanova, S. V. (2003). *Lingvokul'turologičeskij aspekt issledovanija jazykovyh edinic* [Linguistic and cultural aspect of the study of language units]. [Doctoral dissertation, Bashkir State University].

Karasik, V. I. (2004). *Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis.

Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2005). Bazovye karakteristiki lingvokul'turnyh konceptov [Basic characteristics of linguistic and cultural concepts]. In V. I. Karasik, I. A. Sternin (Eds.), *Antologija konceptov*. Vol. 1 (pp. 13–15). Volgograd: Paradigma,

Karaulov, Yu. N. (1989). *Russkaja jazykovaja lichnost' i zadachi ee izučenija* [Russian linguistic personality and the tasks of its study]. In *Jazyk i lichnost'* (pp. 3–8). Moscow: Nauka.

Krasnykh, V. V. (1997). Kommunikativnyj akt i ego struktura [Communicative act and its structure]. *Funkcional'nye issledovanija*, 4, 34–49.

Kusainova, A. M. (2009). Jazykovaja lichnost' Gerol'da Bel'gera [Linguistic personality of Herold Belger]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 30 (168), *Filologija. Iskusstvovedenie*, 35, 118–122.

Leont'ev, A. A. (1999). *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl.

Likhachev, D. S. (1997). Konceptosfera russkogo jazyka [Conceptosphere of the Russian language]. In *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text] (pp. 280–287). Moscow : Jazyki russkoj kul'tury.

Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologija* [Linguistic and cultural studies]. Moscow: Academia.

Matveeva, T. V. (1990). *Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij* [Functional styles in terms of textual categories]. Sverdlovsk: Ural State University.

Petkau, A. Yu. (2015). *Koncept zdorov'e: modifikacija kognitivnyh priznakov: po dannym gazetnyh i reklamnyh tekstov sovetskogo i postsovetskogo periodov* [The concept of health: modification of cognitive features: according to newspaper and advertising texts of the Soviet and post-Soviet periods]. [Candidate Dissertation, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin].

Prohorov, E. Yu. (2006). *Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse]. Moscow : Flinta : Nauka.

Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty : slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij projekt.

Sukhikh, S. A., Zelenskaya, V. V. (1997). *Reprezentativnaja sushhnost' lichnosti v kommunikativnom aspekte realizacij*. Krasnodar: Kuban State University.

Tokarev, G. V. (2009). *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology]. Tula: TGPU.

Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', concept : stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki*, 1, 64–73.

Vorkachev, S. G. (2004). *Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.

Wierzbicka, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisanie jazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury.

Submitted: 11.02.2022

Accepted: 02.04.2022

РЕЦЕНЗИИ

С. С. Дмитриева

к.и.н, доцент

Рецензия на книгу

Мезенина, Т. Г. Нижнетагильские храмы в XVIII-XXI вв.: историко-краеведческие очерки / Т. Г. Мезенина, О. П. Мищенко. – Реж.: Режевская тип., 2021. – 139 с.

В книге представлена история православных и старообрядческих храмов, возведенных в разное время в г. Нижнем Тагиле. Многие из описанных в книге объектов уже не существуют. Однако, материал о них формирует исторический образ малой Родины. Этот экскурс в прошлое через историю храмов, церквей, часовен – часть нашего исторического сознания, без которого невозможно понять культуру современного региона. Как по ступенькам вверх из глубин веков, авторы поднимают читателя к вершинам нашего времени: из XVIII века читатель постепенно перемещается в век XXI.

Книга состоит из трех частей, каждая из которых содержит очерки о храмах города в хронологическом порядке, показывая особенности их исторической судьбы. В первой части рассматривается история разрушенных – утраченных церквей и часовен, во второй описана история разрушенных и восстановленных храмов, в третьей – рассказывается о новых храмах, построенных в городе в последние десятилетия.

Погружаясь в особенности становления того или иного церковного объекта, читатель вслед за автором следит за сменой исторического фона, сравнивает, переживает, сожалеет, делает выводы. Основанный в XVIII веке храм будет закрыт в 1930 году. А что сегодня? Об этом авторы тоже пишут: финальная точка не поставлена: «необходим дальнейший поиск в делопроизводстве Горсовета Нижнего Тагила. Большая часть богатств Входа-Иерусалимского собора исчезла во время Гражданской войны и в результате кампании по изъятию церковных ценностей. В Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» бережно хранится то, что удалось спасти. Это книги из храмовой библиотеки, иконы, копии картин А. Корреджо. На месте Входа-Иерусалимского собора 12 октября 1997 года был установлен памятный крест. Сейчас на территории за колледжем им. Н. А. Демидова в небольших зданиях, некогда принадлежавших церкви, действует одноименный приход в честь Входа Господня в Иерусалим» (стр. 27).

Не менее интересна и трагична судьба Выйско-Никольской церкви, построенной в 1835 году. Именно ей предстояло стать родовой усыпальницей Демидовых. Авторы по крупицам восстанавливают и описывают в своей работе историческое прошлое церкви, рассказывают, как она была разрушена.

Достоинством книги является ее многогранность: она о времени, о переменах, о простых людях и промышленниках, о перипетиях истории. И все это на основе анализа исторических источников. Каждая дата, каждая фамилия в тексте подтверждена документально.

Конечно же, поднимая тему церковей Нижнего Тагила, авторы не могли обойти историю старообрядцев, старообрядческого движения в Тагиле. И здесь мы видим тщательный анализ того, что было до революции, что осталось к нашему времени.

«Участь, постигшая тагильские храмы и часовни, печальна. Были утрачены удивительные по архитектуре здания, безжалостно снесены творения талантливых архитекторов, в воплощение идей которых был вложен труд сотен, оставшихся безымянными простых строителей. Исчезли уникальные произведения настенной росписи, иконы, украшения, предметы культа, помимо материальной ценности имевшие огромное духовное и культурное значение. Разорение и разрушение храмов раскололо общество, Гражданская война перешла в плоскость человеческих душ. Осквернение храмов как правильное и поощряемое государством деяние вело к духовному развращению, искажению моральных ценностей, выращиванию поколения людей, не знающих понятия святости. Церкви остались только в воспоминаниях очевидцев, они запечатлены в произведениях живописи и на фотографиях, в заметках, записках и описаниях, оставленных нам свидетелями ушедшей эпохи. К сожалению, в наши дни для утраченных тагильских храмов это единственный шанс сохраниться в человеческой памяти, остаться в истории» – справедливо пишут авторы книги (стр.43).

Текст книги дополнен разнообразными иллюстрациями, часть из которых была сделана впервые. К примеру, были созданы подробные карты размещения православных церквей, часовен и монастырей в г. Нижнем Тагиле за три века его истории. Помещены фотографии современных храмов, некоторые из которых также опубликованы впервые.

Написана книга легким, доступным, образным языком. Вместе с тем перед нами не художественная литература, а настоящий научный труд. Ссылки на источники свидетельствуют о большой исследовательской работе, проделанной авторами. Библиографический список использованных публикаций и архивных материалов позволяет заинтересовавшимся темой в целом или историей отдельных храмов исследователям найти нужную статью и ознакомиться с ней более подробно. Это может быть важно при составлении экскурсионно-паломнических маршрутов.

Рецензия получена: 15.03.2022

Рецензия принята: 18.03.2022

Dmitrieva S. S.

**Book review on Mezenina, T. G., Mishchenko, O. P. (2021).
Nizhny Tagil temples in the XVIII-XXI centuries:
historical and local history essays. Rezh: Rezhvskaya tipografiya. 131 p.**

Submitted: 15.03.2022

Accepted: 18.03.2022

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). **Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.**

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лаккофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Сукощников, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Saga о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорие [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перегрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт BGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Суанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст.
Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

У	А (%)	В (%)
Х	8	14,6
У	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенности функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60– 67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252– 265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University

Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling’s Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motives as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 60–67.

Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.

Бланк согласия на обработку персональных данных

СОГЛАСИЕ на обработку персональных данных

Я, _____, нижеподписавшийся

фамилия, имя, отчество

проживающий

по

адресу

индекс, область, район, населенный пункт, улица, дом, корпус

документ,
ность

удостоверяющий

лич-

название, серия, номер

кем и когда выдан

в соответствии с требованиями статьи 9 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, подтверждаю свое согласие на обработку Нижнетагильским государственным социально-педагогическим институтом (филиалом) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (далее – НТГСПИ) моих персональных данных, включающих:

- фамилия, имя, отчество;
- дата рождения;
- образование;
- профессия;
- место работы;
- данные паспорта;
- место фактического жительства и домашний телефон;
- адрес электронной почты.

Я не возражаю против включения в общедоступные источники следующих моих персональных данных:

- фамилия, имя, отчество;
- образование, специальность;
- место работы;
- адрес электронной почты.

В период действия соглашения я предоставляю работникам НТГСПИ право осуществлять любое действие (операцию) или совокупность действий (операций), с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ).

Я оставляю за собой право отозвать свое согласие посредством составления соответственного письменного документа, который может быть направлен мной в НТГСПИ по почте заказным письмом с уведомлением о вручении.

Я осознаю, что в случае отзыва согласия на обработку персональных данных работниками НТГСПИ вправе продолжить обработку персональных данных без моего согласия при наличии оснований, указанных в пунктах 2-11 части 1 статьи 6, части 2 статьи 10 и части 2 статьи 11 настоящего Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Настоящим заявлением я подтверждаю достоверность предоставленных мной сведений.

Настоящее согласие дано мной « ____ » _____ 20__ г.

Подпись субъекта персональных данных _____